

Власов В. Ф.

Страна детей

В поисках 4-го измерения

16+

Владимир Власов

Страна детей

«ЛитРес: Самиздат»

2019

Власов В. Ф.

Страна детей / В. Ф. Власов — «ЛитРес: Самиздат», 2019

Роман о двух братьях, которые открыли для себя Страну детей. Один из них остался в ней навсегда, обретя там своё счастье, а второй отправился на его поиски, где узнал много интересного для себя и полюбил ту страну. Когда полицейский спросил его: «Где же находится эта страна»? - он ответил: «Я знаю, где она, но объяснить вам не могу. Вы легко сами можете туда попасть, если захотите. Я же могу вернуться в неё в любую минуту».

Содержание

Вместо предисловия	6
Часть первая	8
1. Час тигра (с 3 до 5 часов утра)	8
2. Час зайца (с 5 до 7 часов утра)	11
3. Час дракона (с 7 до 9 часов утра)	14
4. Час змеи (с 9 до 11 часов утра)	16
5. Час лошади (с 11 до 13 часов дня)	17
6. Час овцы (с 13 до 15 часов дня)	19
7. Час обезьяны (с 15 до 17 часов дня)	21
8. Час птицы (с 17 до 19 часов вечера)	25
9. Час собаки (с 19 до 21 часа вечера)	27
10. Час кабана (с 21 до 23 часов вечера)	30
11. Час мыши (с 23 до 1 часа ночи)	34
12. Час быка (с 1 до 3 часов ночи)	36
Часть вторая	38
Десять небесных стволов	39
2. Ки-но-то (дерево младшего брата)	41
3. Хи-но-э (огонь старшего брата)	42
4. Хи-но-то (огонь младшего брата)	43
5. Цути-но-э (земля старшего брата)	44
6. Цути-но-то (земля младшего брата)	45
7. Ка-но-э (золото старшего брата)	46
8. Ка-но-то (золото младшего брата)	47
9. Мидзу-но-э (вода старшего брата)	48
10. Мидзу-но-то (вода младшего брата)	50
Часть третья	52
1	53
Конец ознакомительного фрагмента.	54

*«И низвержен был великий дракон, древний змий, называемый дьяволом и сатаною, об-
лищающий всю вселенную, низвержен на землю, и ангелы его низвержены с ним. Итак, весели-
тесь, небеса и обитающие на них! Горе живущим на земле и на море, потому что к вам сошел
дьявол в сильной ярости, зная, что немного ему остается времени.»*

Евангелие. Откровение Иоанна Богослова. Глава 12, стихи 9, 12

*«Страну детей ваших должны вы любить: эта любовь да будет вашей новой знатью, –
страну, еще не открытую, лежащую в самых далеких морях! И пусть ищут и ищут ее ваши
паруса!»*

Фридрих Ницше. «Так говорил Заратустра»

Вместо предисловия

Мой брат рос большим фантазером и фанатиком. Еще в детстве он придумывал разные небылицы и умел так складно их рассказывать, что все мы диву давались, как это в его маленькой головке рождались такие невероятные выдумки. Но вместе с этим нас часто поражало, до какой степени сказанное им приобретало порой черты правдоподобия. А позднее я сам убедился, что его фантазии могли даже воплощаться в жизнь, реализуясь в немыслимые формы действительности.

Он мечтал стать писателем и даже втайне пописывал разные приключенческие истории, однако, когда мы переехали в Иркутск, он почему-то поступил в институт иностранных языков на факультет немецкой филологии. К тому времени я уже окончил факультет журналистики университета и работал в одном очень престижном информационном агентстве, публикуя свои статьи не только в советских газетах и журналах, но также и за рубежом.

Мой брат был подвержен одной страсти, иначе я это не могу назвать, страсти к Японии, которая пронизала все его существо. Он знал на память все известные буддийские и синтоистские храмы, парки и замки древней Японии. Эта страсть заражала не только его друзей и знакомых. Поддавшись общему безумию, я тоже некоторое время посещал собрания энтузиастов японского молодежного клуба «Кэнрокуэн», который он создал.

Я назвал это общим безумием, потому что в то смутное время, когда любое проявление свободомыслия обязательно влекло за собой наказание, многие мыслители и просто интеллигенты, пытаясь уйти от действительности или хоть на короткое время вырваться из рамок той системы, в которой все мы вынуждены были жить в состоянии конформизма или пассивного несогласия, старались любыми увлечениями подавить в себе отчаяние и страх.

В моей памяти сохранились некоторые моменты тех знаменательных событий начала великого распада системы, той самой системы, именуемой американцами «империей зла», начавшей войну в Афганистане. Именно тогда мой брат и создал то странное Общество, замешанное, подобно тесту, на японской оккультной культуре. Я не принадлежал к членам того полу тайного Общества, но как журналист часто посещал их собрания и публиковал об их деятельности материалы в издаваемом тогда в Японии моим агентством журнале «Конничи-но сорэмпо» («Советский Союз сегодня»).

В отличие от брата мной всегда двигала воля к существованию, та самая, которую отрицал Ницше, ибо для интеллигентов того времени самым насущным был вопрос о выживании. Сейчас, по прошествии времени, я часто задаюсь вопросом: а существовал ли я тогда в том времени, и сам себе отвечаю, что если и существовал, то только благодаря моему брату, который оставил в моей памяти самые яркие воспоминания. И те его слабости, и кажущееся безволие сейчас представляются мне силою и волей к жизни.

Но тогда я часто удивлялся неразумности его поступков, как будто мы жили с ним в разных мирах. Из-за своих странностей он нажил себе много врагов среди сильных мира сего. Компетентные органы ему даже закрыли выезд за рубеж. И в то время, как я побывал в Японии уже десяток раз, у него складывались представления об этой стране только по книгам, фотографиям и фильмам. Когда же ему, наконец, удалось вырваться туда, то произошло что-то странное, чему до сих пор я не нахожу объяснения. В первое время я получил от него несколько писем, но потом он перестал писать. Прошел целый год, от него не было ни весточки, если не считать двух странных звонков. А затем он неожиданно исчез, как будто сквозь землю провалился. Встревоженная полиция через японский МИД вышла на меня, как на единственного его родственника, и я, получив визу, отправился на поиски моего брата. Но прежде чем при-

ступить к описаниям моих приключений в Японии, я хотел бы все же немного рассказать о брате и тех неприятностях, которые мне пришлось пережить дома.

Часть первая

Немного о себе

Двенадцать земных ветвей

1. Час тигра (с 3 до 5 часов утра)

Я хочу рассказать об одном дне, который чуть не стоил мне жизни.

Так уж получилось, что я засиделся до трех часов ночи, правя и переписывая материал, который должен был отдать редактору утром. Я выпил уже шесть чашек кофе, и когда материал был закончен, отпечатан на машинке, и я поставил свою подпись, то сна у меня не было ни в одном глазу. Я вышел на балкон и с завистью посмотрел на темные окна домов, где мирно спали жители города. Из-за экономии уличный свет гасили после двух часов ночи, поэтому улицы были погружены в полумрак, только нарождающийся серп месяца подслеповато светил из-за туч, матово отражаясь в лужах только что прошедшего дождика. Было так тихо, что казалось: сам город погрузился в вечный сон – ни шелеста листьев, ни пения птиц.

Вдруг мое внимание привлекло странное движение, как будто легкий ветерок протянул по асфальту брошенную газету. Вначале я подумал, что это кошка. Перегнувшись через перила, я старался рассмотреть в ночной тени источник шума и увидел двух странных субъектов, которые о чем-то тихо и быстро перешептывались. Вероятно, их шёпот я и принял за шуршание газеты. Мне не очень понравилась эта сцена и их заговорщицкий вид. Еще бы, в три часа ночи так могут шептаться только злоумышленники. Я кашлянул в кулак, чтобы показать им, что сонные жители города не дремлют. Их шёпот прекратился, и они, как по команде, обратили свои взоры в мою сторону. Я продолжал смотреть на них, они – на меня. Так протекла, наверное, минута. Затем они, не проронив ни слова, исчезли. Я, закрыв балкон, вернулся в комнату.

Но не прошло и пяти минут, как в прихожей раздался звонок. Это меня насторожило. Я подошел к двери и спросил:

– Кто там еще? – Это мы, – раздался за дверью робкий голос.

– Кто это вы?

– Японские военнопленные.

Я обалдело почесал затылок. Человек, говоривший по ту сторону двери, произносил слова с явным акцентом. К тому же я вспомнил, что мой брат говорил накануне о приезде в город членов общества бывших военнопленных «Ангара-кай». Я осторожно приоткрыл дверь, не снимая цепочки, и выглянул на лестничную площадку. Это и в самом деле были японцы, но выглядели они как-то странно, я бы сказал, не очень современно. Все трое были одеты в форму Квантунской императорской армии времен второй мировой войны. Впрочем, в ту минуту я не очень задумывался над их одеждой: мало ли кто как сходит с ума. Ну, решили они соблюсти традиции, приехали в наш город, нацепив мундиры былой славы. Меня больше занимало другое: что им понадобилось от меня в столь поздний час.

– Можно войти? – спросил самый пожилой из них, имевший какие-то нашивки на воротничке, вероятно, знаки отличия.

– Да, конечно, входите, пожалуйста, – я снял цепочку с двери и пропустил поздних посетителей в прихожую, а затем провел их в комнату.

– Располагайтесь, кофе не хотите?

Поздние гости вежливо отказались. Да и кто пьет кофе в четвертом часу ночи.

Старший из них сел в кресло, двое других – рядом на стулья, я примостился на крутящемся табурете возле стола с пишущей машинкой. Некоторое время в нерешительности

они сохраняли молчание. Я тоже не произносил ни слова, рассматривая их странные одеяния, которым недоставало только самурайского меча. Наконец, старший из них, поборов смущение, обратился ко мне:

– Разрешите представиться, унтер-офицер Мацуяма Хироси, – он встал и низко поклонился.

Я тоже соскочил с табурета. И, о, дурацкое положение, мне тоже ничего не оставалось другого, как войти в позу японского приветствия. То же самое проделали и два других японца, назвав свои имена и звания:

– Мори Таро, фельдфебель.

– Фукуда Синдзи, рядовой второй статьи.

Мы снова уселись на наши места, и, чтобы не сделать паузы, я первый спросил их:

– Что привело столь важных гостей ко мне в столь поздний час?

– Во-первых, извините за поздний час, – наклонив в мою сторону голову, сказал унтер-офицер, – мы бы никогда не решились нарушить ваш покой, если бы не важное сообщение, которое мы собираемся сделать. Но прежде всего примите слова нашей глубокой благодарности за ваши публикации в японской прессе о панихидах, которые устраиваются на кладбищах вашей области. Благодаря вашим статьям многие родственники в Японии получили известия о своих умерших в плену отцах и братьях, а многие из них и возможность принять участие в панихидах.

– А-а, не стоит благодарности, это – моя работа, – отмахнулся я со скромным видом, но в душе мне очень польстили слова японца, оценившего так высоко мою деятельность. – Что же вы имеете мне сообщить?

– Мы пришли к вам, чтобы предупредить вас об опасности, – сказал унтер-офицер и, замаявшись, обратил взгляд на своих товарищей.

Те кивнули ему головами.

– Как бы вам объяснить проще, – опять начал он. – Одна из враждующих с вами школ замышляет против вас и членов клуба «Кэнрокуэн» акцию по уничтожению клуба.

«О-о! – мелькнуло у меня в голове. – Вот как работает японская разведка, даже о том, что творится у нас в городе, знают».

– Поэтому вам следует принять меры предосторожности, – продолжал унтер-офицер. – Особенно в этом деле не следует доверять женщине.

– Понимаю, – кивнул я головой, хотя из его слов ни черта не понял, какой женщине не следует доверять.

– Предупредите об опасности всех членов клуба, будьте сегодня особенно бдительны, среди членов вашего клуба есть лазутчики из враждующей школы.

– Но откуда такие сведения? – не удержавшись, спросил я.

Этот вопрос явно смутил моих гостей. Они переглянулись, и унтер-офицер, поборов смущение, наконец, ответил:

– Поймите нас правильно, это доподлинные сведения нашей армейской разведки. Мы бы не хотели вмешиваться в ваши дела, но мы не можем не помочь вам, членам клуба, так много сделавшим для укрепления дружбы между нашими странами.

Я понимающе кивнул головой и подумал: «Ого-о! Их армейская разведка в курсе даже таких дел, о которых мы и ухом не слыхивали и духом не ведали. Однако-о!»

– Лично от вас сегодня зависит судьба вашего клуба, – продолжал унтер-офицер. – Именно вы сегодня должны быть вдвойне бдительны, чтобы не подвести вашего брата.

– Вы хорошо знаете моего брата? – спросил я и тут же, хлопнув себя по голове, вспомнил: «Ах, да, ведь еще вчера брат говорил мне об этих бывших военнопленных».

Я тут же задал другой вопрос:

– Но почему я?

Японец пожал плечами, не найдя, что ответить. Но тут в разговор вступил фельдфебель:
– Потому что вы иногда бываете небрежны и допускаете промахи, к тому же вы увлекаетесь и теряете голову.

От неожиданности я развел руками.

– Даже это известно вашей армейской разведке?

– Видите ли, – решив смягчить слова своего товарища, заметил унтер-офицер, – нам, оставшимся в прошлом, хорошо видно будущее, потому что у нас нет настоящего.

Я не очень хорошо понял смысл этих слов, поэтому пропустил их мимо ушей. В это мгновение мне пришла в голову мысль: «А почему бы не взять у них интервью. Но не сейчас, не ночью, разумеется, а днем». Я вспомнил, что на вечер у нас в клубе была назначена встреча с членами общества «Ангара-кай», поэтому после встречи я мог бы побеседовать с ними и написать хороший материал. Я тут же предложил им встретиться в девять часов вечера этого дня возле кафе «Снежинка».

Они нерешительно переглянулись и оставались некоторое время в замешательстве. Я уже было подумал, что их не устраивает время, но, к сожалению, другого времени я им назначить не мог, так как в полдень я должен был обедать с самым именитым писателем Иноуэ Ясуси в ресторане гостиницы «Интурист». Но тут унтер-офицер вдруг неожиданно согласился, и мои ночные посетители встали с мест и попросили разрешения откланяться. Мы опять все четверо вошли в позу глубокого японского поклона. Затем я проводил их в прихожую, закрыл за ними дверь и посмотрел на часы. Стрелки показывали Час Зайца.

2. Час зайца (с 5 до 7 часов утра)

Ложиться спать было уже поздно, я опять вышел на балкон, чтобы полюбоваться прелестью нарождающегося дня. Обычно я всегда вставал в эти ранние предутренние часы, не потому что не любил утром дрыхнуть в постели. У меня была своя тайна.

Однажды я увидел ранним утром девушку, в белом спортивном костюме и кроссовках, с длинными белокурыми волосами, опоясанными красной лентой. Еще солнце не взошло, а она, как утренняя заря, пробежала по улице и осветила все уголки радостью пробуждения. С того самого дня я потерял утром всякий сон и, как праздника, ждал этого часа, когда она, подобно длинноногой газели или быстроногому зайчику, пронеслась по улице мимо моих окон. Вначале я только издали любовался ею, затем сам стал совершать пробежки на некоторой дистанции от нее. Наконец, мы познакомились, и я даже уговорил брата принять ее в члены клуба. С этого времени мы стали бегать вместе. Я каждое утро с нетерпением ждал условленного часа, чтобы бежать возле нее и слышать ее дыхание.

Быстро натянув ветровку и обув кеды, я спустился во двор и принялся делать гимнастические упражнения, поджидая ее. Утренний воздух пьянил своей свежестью. Я абсолютно не чувствовал никакой усталости от бессонной ночи. Небо посветлело так, что все звезды исчезли, кроме одной – Утренней Звезды. Ни облачка. Легкий ветерок ласкал листья тополей. Птицы поднимали свой утренний трапезный галдеж. Редкие дворники выходили на улицу со своими метлами и ведрами.

В конце аллеи показалась Светлана. Она приветливо помахала мне рукой и пробежала мимо, не останавливаясь. Я последовал за ней. Некоторое время мы бежали молча, плечо к плечу, пока не достигли набережной.

– Будет прекрасный день, – заметила она.

– Да, – выдохнул я, – погода обещает чудесный день. Во время кросса мы не разговаривали, чтобы не сорвать дыхания, так только обменивались незначительными репликами.

От Ангары тянуло прохладным ветерком. Я бежал с подветренной стороны от Светланы, в надежде, что развевающиеся по ветру ее волосы коснутся моей щеки. Но, к сожалению, волосы у нее были недостаточно длинными, зато мне казалось, что я чувствую запах ее тела. О, как бы я дорого заплатил за один лишь ее поцелуй! Мы пробежали мостик, соединяющий набережную с островом «Юность». Здесь мы всегда с ней встречали восход солнца.

Нам удалось достигнуть острова в тот момент, когда на востоке из-за телевизионной башни показался ярко-красный краешек щедрого светила, и все озарилось радостным сиянием. На деревьях от восторга затрепетали листья, окна просыпающихся домов на набережной отвечали улыбками солнечному свету, каждая росинка на траве кричала о своем счастье, даже в лужах после прошедшего вечером дождя купались лучи, отражаясь бликами и зайчиками по всему пляжу.

Светлана остановилась, завороженная этим сиянием, посмотрела на меня и радостно засмеялась. И мне показалось, что только солнце могло создать ее красоту и что она, сама частичка этого солнца, также светится и радуется, посылая мне и всему миру свою красоту и счастье.

Светлана, повернувшись лицом к солнцу, стала делать упражнения, а я, забыв обо всем на свете, любовался грацией ее стройного тела. Когда было покончено с упражнениями, она сладко потянулась и зевнула. У меня тоже непроизвольно вырвался зевок.

– А все же рано мы встаем с вами, – заметила она, – еще бы немного поспать не мешало.

– А я вообще не ложился спать, – признался я.

– Как? – удивилась она. – Вторые сутки на ногах? И у вас еще хватает сил делать пробежку? Но вы просто супермен!

Ну, разве неприятно получить комплимент от очаровательной девушки, ради этого стоит вытерпеть без сна даже, трое суток.

– Чем же вы занимаетесь ночью? – она лукаво посмотрела на меня и засмеялась, а я почему-то покраснел.

– Переписывал допоздна очерк, а потом ко мне пришли гости.

– К вам по ночам приходят гости? – опять удивилась Светлана. – Что же это за гости такие, которые приходят по ночам?

– Японцы, – сказал я и опять смутился.

– Вот уж никогда бы не подумала, что японцы делают визиты по ночам – она или не поверила моим словам, или решила подразнить меня. – Может быть, к вам приходили японки?

Она явно в шутливой форме делала мне вызов. Ну что же, мне не оставалось ничего другого, как принять его. И я принял этот вызов.

– Да! – воскликнул я. – К сожалению, на этот раз у меня были японцы, а не японки. О! Японки – это самые восхитительные в мире женщины, особенно гейши. А вы знаете, сколько времени учатся этому ремеслу? всю жизнь. Поэтому, вероятно, гейши считаются самыми коммуникабельными, самыми приятными собеседницами в мире.

– Вам виднее, – молвила Светлана, закусив губу, – вы часто бываете за границей.

Я, кажется, дал осечку. И куда меня понесло с этими гейшами? Я мысленно чертыхнулся и, перейдя на серьезный тон, рассказал ей о ночном происшествии.

На этот раз Светлана мне совсем не поверила, но что-то в моем рассказе ее встревожило. Мы шли по аллее парка некоторое время молча. И вдруг она меня спросила:

– Скажите мне, вы хитрый от рождения или это у вас приобретенное в ходе вашей работы?

Этот вопрос меня поставил в такой тупик, что я обалдело смотрел ей в глаза и некоторое время не мог обрести дара речи. Но ее глаза оставались пристальными и серьезными, как будто она пыталась прочитать что-то в моих мыслях.

– Что вы имеете в виду? – наконец, только и смог произнести я.

Светлана, не отрывая взгляда от моих глаз, ответила вопросом на вопрос:

– О какой опасности вы говорите? И какой женщине вы не должны доверять?

Сколько я ни старался, не мог сообразить, что именно так насторожило Светлану в моем сообщении. Пытаясь найти выход из этой щекотливой ситуации, я махнул рукой и объявил:

– А, все это глупости, не берите ничего в голову. Мне самому сейчас кажется, что все это приснилось.

– Как? – воскликнула Светлана. – Сейчас вы утверждаете, что все это вам приснилось?

– Какая разница? – объявил я. – Приснилось это мне или в самом деле у меня были гости. Я начинал сердиться на себя. И дернула меня нелегкая затеять с ней этот разговор!

– Зачем вы мне это все рассказали? – спросила она тем же серьезно-взволнованным тоном.

«Вот именно, зачем я ей все это рассказал?» Я пожал плечами.

Мы вышли из сквера на набережной и, пройдя мимо исторического музея, свернули на улицу. Сейчас мы уже не бежали молча, как полчаса назад, а шли в полной тишине медленным шагом. Помимо дворников на улице стали появляться прохожие.

– А знаете, мне с вами интересно, – вдруг произнесла Светлана, – не так, как с другими. Вы – загадочный человек. Никогда не знаешь, чего от вас ждать. Вы, наверное, всегда со всеми ведете очень тонкую игру.

«Вот уж совсем не ожидал я от нее такой оценки. Но за кого она меня принимает?»

– И пишете вы интересно. Я всегда читаю ваши статьи в газетах. В отличие от вашего брата вы – стратег, он же – тактик.

– Это почему же? – удивился я.

– Потому что вы, ни с того ни с сего, вдруг начинаете рассказывать о своих ночных приключениях, которые, по вашим словам, быть может, вам приснились.

Я не знал, что ответить. И вдруг меня словно черт дернул за язык. Я открыл рот и произнес такие слова, которые меня самого повергли в ужас.

– А не встретиться ли нам этим вечером? Мы могли бы мило посидеть у меня дома. Вы были бы самым дорогим моим ночным гостем.

Такой наглости я сам от себя не ожидал. Я даже выдохнул весь воздух из своей груди от такой храбрости.

Светлана также пристально посмотрела на меня. И ее губы чуть слышно произнесли:

– Это можно. Только чтобы никто не узнал об этом. Я ушам своим не верил. Неужели это победа?

– В таком случае я жду вас возле своего дома в десять часов вечера.

Она, опустив глаза, кивнула и тут же, не прощаясь, резко повернулась и пошла в другую сторону.

Я полетел домой, как на крыльях, пиная по дороге мусорные урны.

«Этим вечером она будет моей!»

3. Час дракона (с 7 до 9 часов утра)

Ранним утром в мою квартиру ворвался, словно дракон, брат и прокричал:

– Война! Они объявили нам войну!

– Кто? С кем война?! – у меня душа ушла в пятки от его заявления.

– Баранов. Школа «Вадарю». Эти облезлые кошки, мнящие себя тиграми.

– Слава Богу, – перекрестился я, – я уж подумал, что в самом деле война началась.

– Представляешь, – возбужденно кричал мой брат, – эти наглецы послали нам сегодня утром ультиматум. Если к четырем часам мы не выдадим им свиток с секретами боя поясами буддийских ниндзя из храма Мёрюдзи, то они объявляют нам войну на уничтожение. Представляешь?

Я не представлял, какая может быть война на уничтожение в мирном городе, контролируемом силами МВД и КГБ.

– Да ты успокойся, – посоветовал я ему. – Хочешь кофе?

– Какой кофе? Какой кофе? Эти два воителя, горе-Аники-воины, решили помериться силами, Баранов и мой злосчастный Козлов. Сколько я потратил сил на их примирение, но ты же знаешь, эти военные, как бараны, надеются только на силу своих кулаков. И сколько им ни внушай, что худой мир лучше доброй ссоры, все равно у них чешутся кулаки.

Я все же налил кофе себе и своему брату и, поставив перед ним чашку, заметил:

– Зачем же ты принял в клуб Козлова вместе с его школой?

– Я бы принял Баранова, но между ними такой антагонизм, что в эту ссору вовлечен весь город. Их секции разбросаны по всему городу, и желающие заниматься каратэ волей-неволей втягиваются в этот конфликт. Ты не представляешь, какие интриги и заговоры плетутся вокруг этих двух персон. К сожалению, я остановил уже свой выбор на школе «Кёкусинкай», теперь мне отступать поздно. Приходится поддерживать Козлова. Но у него всего сто пятьдесят бойцов. А у Баранова их все шестьсот. На каждого каратиста клуба приходится по четыре кошки.

– Неужели ты думаешь, что дело дойдет до драки?

– Все может быть, – махнул рукой мой брат. – Если бы у обоих было побольше мозгов, то они бы давно уже прекратили ссору.

– Что же делать?

– Я думаю объявить им, что свиток потерян, – решительно заявил брат. – Другого выхода нет.

– Так они и поверят тебе, – выразил я ему свое сомнение. – Не лучше ль было бы снять с этого свитка ксерокопию и передать Баранову?

– Еще чего! – воскликнул брат. – Передать ему в руки такое грозное оружие! Баранов и так нос дерет от того, что его секция самая популярная в городе. А если они еще научатся вести бой поясами, то в городе явно нарушится паритет сил. Как никак, мы все же противостояем его фашистским замашкам.

– Так уж и фашистским?

– Ты не представляешь себе, какие у него в секции порядки. А ученики чтут его, как фюрера. Каждый делает ему низкий поклон не только в секции, но и на улице, и все так до мерзости само уничижительно заглядывают ему в лицо. Тьфу! Смотреть противно. Мой Козлов тоже хотел ввести подобную практику среди своих учеников, но я решительно воспротивился. Насколько позволят мне возможности, я никому не дам унижать чье-либо человеческое достоинство.

– Но как ты заставишь Баранова поверить в то, что вами потерян свиток?

– А-а, будь уверен, мы проведем все тонко, комар носа не подточит. Мы приблизительно знаем их лазутчиков в нашем стане. Через них и проведем дезинформацию.

– Ах, да, – ударил я себя по затылку, – совсем забыл тебе сказать. Ко мне ночью приходили бывшие военнопленные, трое твоих знакомых, и тоже предупреждали, что в вашем клубе есть лазутчики враждебной школы и всем нужно быть бдительными.

– Мои знакомые? – удивился брат.

– Ну да, из общества бывших военнопленных «Ангара-кай».

Брат продолжал вопросительно смотреть на меня.

– Покажи их визитные карточки.

– Они мне их не оставили.

– Странно. Обычно японцы при знакомстве передают свои визитные карточки. А ты не запомнил их имен?

– Кажется, одного звали Мацуяма, другого – Мори... А вот имени третьего, как я ни напрягал память, не смог вспомнить.

– Ладно, – прервал мои потуги брат, – это какие-то другие. Членов общества «Ангара-кай» я еду встречать в аэропорт через час.

– Но эти, которые были ночью у меня, хорошо знают тебя.

Брат улыбнулся и, посмотрев на меня как-то странно, спросил:

– А не приснилось ли тебе все это ночью? Я сделал вид, что рассердился.

– Ну, ладно, ладно, – брат хлопнул меня по плечу, – потом разберемся.

Мы допили кофе, брат ушел. Я быстро собрал со стола грязную посуду, бросил ее в мойку и, захватив рукопись статьи, отправился на работу.

4. Час змеи (с 9 до 11 часов утра)

Как только я вошел в агентство, на моем столе зазвонил телефон. Я снял трубку.

– Алло, – в трубке слышался голос Светланы, – вот решила позвонить вам перед занятиями.

Светлана училась в университете.

– Откуда вы узнали мой телефон? – удивился я.

– Как будто это так трудно сделать, в любом телефонном справочнике есть номер вашего агентства информации.

– Ах, да, как бы там ни было, мне приятно слышать ваш голос.

Мне, в самом деле, было приятно слышать ее нежный и чуть певучий голос.

– Вы уже слышали, что Баранов со своей школой объявил войну клубу вашего брата?

– Ну, пока не войну, а только ультиматум.

– Значит, вы уже в курсе?

– Да. Брат заходил ко мне утром и сообщил эту новость.

– И что же, будет война?

Мне показалось, что ее голос в трубке осекся и как-то дрогнул.

– Да вы успокойтесь. Ничего не будет. Свиток уже потерян. Так что и причина, из-за которой разгорается весь этот сыр-бор, устранена.

– Как потерян? – произнесла Светлана с той же тревогой в голосе.

– Ну, не совсем потерян, – поспешил я ее успокоить, – а как бы потерян.

– Не понимаю.

– Ну, мой брат инсценирует потерю свитка и через выявленных в клубе лазутчиков Баранова пошлет дезинформацию.

– А где же сам свиток?

– Спрятан в надежном месте.

Мне показалось по голосу, что Светлана немного успокоилась. И я спросил ее:

– Наша договоренность остается в силе?

– Да, – коротко ответила она и положила трубку.

Я тоже положил трубку и медленно опустил за свой рабочий стол.

Вся эта возня вокруг свитка двух школ каратэ и клуба «Кэнрокуэн» была мне в высшей степени непонятна. И клуб, и школы каратэ были напичканы соглядатаями, и там, и здесь работали секретные агенты спецслужб и МВД, и никому не удавалось затушить пожар этой ссоры двух лидеров. Двух каменных лбов. Более того, эти агенты сами втягивались в хитросплетение интриг и заговоров друг против друга. Уж таков наш мир. Таковы все люди. И такова политика, которая играет людьми, как костяшками домино. И ничего здесь не поделаешь.

В эту минуту в мой кабинет вошел шеф и взял мой материал для правки. Потом до обеда я набирал свой выправленный очерк на телетайпе и пересылал его в Москву.

Ближе к обеду я отправился в гостиницу «Интурист» для встречи с писателем Иноуэ Ясуси и его женой.

5. Час лошади (с 11 до 13 часов дня)

В гостинице «Интурист» я встретил брата, который привез из аэропорта трех членов японского общества бывших военнопленных «Ангара-кай». Он познакомил меня с ними. Все они были в почтенном возрасте. Я невольно сравнил их с моими ночными посетителями и нашел, что японцы в мундирах выглядели намного моложе этих старичков. Тем можно было дать лет тридцать-сорок. Впрочем, у японцев всегда трудно определить возраст. Все они выглядят моложе своих лет. После обеда мой брат собирался повезти их на японское кладбище.

В холле гостиницы я встретил писателя Иноуэ Ясуси с супругой и японскую переводчицу. Мы вчетвером отправились в специальный зал ресторана на втором этаже, разделенный перегородками, где никто не мог помешать нашему разговору, в то время как мой брат повел своих японцев в общий зал.

Мы расположились за столиком в забронированной мной еще накануне кабинке и начали спокойную беседу за трапезой. Автор бестселлера в нашей стране «Сны о России» рассказывал о своем путешествии по Советскому Союзу, о впечатлениях и местах в Иркутске, связанных с пребыванием членов экипажа «Синсё-мару» во главе с купцом Дайкокуя Кодаю. Я записывал его речь на магнитофон и почти не задавал вопросов, так как Иноуэ Ясуси неоднократно давал интервью журналистам и наперед знал все их предполагаемые вопросы. Мне оставалось только расшифровать магнитофонную запись, умно составить свои вопросы и вклинить их в текст. Поэтому я пребывал в некоторой прострации, вяло ковыряя вилкой в тарелке. От сытного обеда вся кровь отхлынула от головы и прилипла к моему желудку. На меня вдруг навалилась дремота – сказывалась бессонная ночь. Раза два я чуть не клюнул носом в тарелку. Вероятно, Иноуэ Ясуси впервые в своей жизни встречался с таким странным журналистом. Но я ничего не мог с собой поделать. Как ни щипал свои ноги под столом, меня одолевал сон.

Но вдруг мой сон разом прошел. Я услышал смех и женский голос из соседней кабинки. Этот голос и смех могли принадлежать только Светлане. Я весь превратился в слух. Она говорила о знакомых мне до боли вещах, и ее голосу диссонировал мужской голос. Речь шла о пропавшем свитке.

– Но все мои люди утверждают, что свиток исчез, – говорил мужской голос.

– Как бы исчез, – отвечала Светлана, – а на самом деле его перепрятали и пустили через твоих же агентов дезинформацию для тебя.

– Но этого не может быть, – взволнованно произнес мужчина, – они не могли выявить всех моих агентов.

– Источник информации верный, – перебила его Светлана.

– Кто он?

– Корреспондент агентства «Новости», а его брат является председателем клуба.

О, если бы она знала, что этот корреспондент сидит рядом и все слышит.

– Что у тебя с ним?

– Ничего. Так, просто знакомый.

– Его можно как-то использовать?

– Пока не знаю.

Меня прошиб пот. Я вытер салфеткой лицо, которое, вероятно, горело.

– С вами все в порядке? – спросила меня переводчица-японка.

Я кивнул головой, приставил палец к губам и показал глазами на магнитофон. Она продолжала переводить. В кабинке рядом наступило некоторое затишье. Затем мужской голос спросил:

– Ты не жалеешь о вчерашнем?

– Нет, – ответила она после небольшой паузы, – мне было очень хорошо.

Краска отлила у меня от лица. Я, наверное, очень побледнел. Вот почему она утром зевала. Самые ужасные мои предположения подтвердились.

В этот момент в кабинке появился наш новый фотокорреспондент Карим и стал снимать меня на фоне японской знаменитости. Об этом мы условились ранее. Я его просил, как можно больше, сделать снимков с писателем, чтобы потом пустить пыль в глаза всем знакомым и недругам. Выбрав подходящий момент, я шепнул ему на ухо:

– Загляни в соседнюю кабинку. Посмотри, с кем там сидит девушка.

Он понимающе кивнул и исчез.

Через несколько минут я услышал голос Светланы:

– Давай уйдем отсюда. А то что-то появляется много любопытных глаз.

Вероятно, Карим уже осчастливил их своим лицезрением.

– Хорошо. Уйдем поодиночке. Ты иди, а я выйду чуть позже. Расплачусь с официантом.

Прошло несколько секунд, и вдруг тот же мужской голос произнес:

– Постой, мы увидимся сегодня?

– Нет, – в ее голосе чувствовалось смущение, – сегодня не могу. У меня начались месячные.

Затем все стихло. Я сидел, словно в воду опущенный. Обед и интервью закончились. Иноуэ Ясуси с женой стали прощаться. Я поблагодарил их за интервью, они поблагодарили меня за обед, и мы расстались. Я вышел из гостиницы, и у меня потемнело в глазах от яркого солнца. Никогда еще не было мне так плохо.

6. Час овцы (с 13 до 15 часов дня)

В агентстве меня уже поджидал Карим, проявляя пленки.

– Ну что, ты видел его? Кто это был? – накинулся я на него с вопросами, хотя в душе уже знал, кто это мог быть.

– Известная личность. Баранов. Глава школы каратэ «Вадарю». Сэнсэй тигров.

– Сэнсэй облезлых кошек, – повторил я сравнение брата. – Я так и знал.

Карим пожал плечами. Раньше он слышал о вражде этой школы с клубом, о том, что мой брат недолюбливал Баранова, но, вероятно, впервые он увидел мою реакцию на прославленного лидера в этом престижном виде спорта.

– А мне удалось даже сделать их снимок, – как бы между прочим заметил Карим.

– Какой снимок? Ты хочешь сказать, что щелкнул фотоаппаратом, когда заглянул к ним? – я чуть не набросился на него с кулаками. – Да кто тебя просил об этом? Я попросил тебя только заглянуть за занавеску.

– Спокойно. Спокойно, – осадил меня Карим, – никто и не заметил моей съемки, потому что я снимал вот этой камерой.

И Карим положил передо мной на столе миниатюрную фотокамеру, способную уместиться на половине ладони.

– Шпионская камера, – похвастался он, – а пленка чувствительностью в семьсот дин. Можно снимать в полумраке.

– А где же снимки?

– Сохнут в лаборатории.

Мы спустились с ним в фотолабораторию, и он снял с глянцевателя полдюжины фотографий, на которых красовалась моя Светлана за одним столом с Барановым. Я забрал у него все фотографии и заставил его уничтожить фотопленку.

Мне нужно было срочно увидеться с братом и рассказать ему обо всем случившемся. Я вспомнил, что брат собирался повезти японцев на кладбище для панихиды.

– Послушай, – обратился я к Кариму, – если у тебя сейчас нет срочной работы, то я могу взять тебя с собой на японское кладбище. Сейчас там начнется возложение венков на могилы бывших военнопленных членами общества «Ангара-кай». Пока я буду брать у них интервью, ты бы смог сделать несколько трогательных кадров.

Карим тут же согласился. Пока он заряжал камеру, я вызвал из гаража машину агентства печати.

По дороге я не удержался и еще раз посмотрел на фотографии. Баранов сидел за столом в артистической позе, держа двумя пальцами бокал с шипучим напитком. Вина он не употреблял и был вегетарианцем. Это все знали. Да, артистизма и аристократизма ему было не занимать. Белокурая бестия. Его тщательно ухоженная прическа, вельможные манеры никогда не оставались не замеченными прекрасным полом. Не то, что кондотьер моего брата Козлов. Тот больше походил на орангутанга. А по своему простодушию – на слона. Но Светлана? Светлана! Как она могла стать такой двуличной, начать вести двойную игру? Ради чего? Даже на этой фотографии она выглядела чертовски привлекательной. Но что ею двигало, чтобы так предательски действовать против моего брата? А брата я очень подвел. На фотографии глаза у Светланы выглядели несколько испуганными. Но это только добавляло ей шарма.

– Красивая девочка, – заметил Карим, заглянув через мое плечо с заднего сидения.

Я спрятал фотографию и обратился к водителю:

– А поживее вы не можете? Этак мы приедем уже на пустое кладбище.

Шофер и так вел машину на предельной скорости.

Когда мы прибыли на кладбище, панихида уже была в самом разгаре. Японцы зажигали на могилах свечи и курительные палочки. Ряды белых надгробных плит с именами умерших в плену японцев заполняли довольно обширную поляну среди березового леса. Мой брат помогал японцам расставлять свечи. Эта мирная атмосфера кладбища подействовала на меня успокаивающе. Карим принялся щелкать фотоаппаратом с разных точек. Чтобы им не мешать, я в задумчивости бродил среди каменных плит, читая машинально имена умерших.

Но вот мой взгляд натолкнулся на знакомое имя – солдат второй статьи Синдзи Фукуда. Где-то раньше я уже слышал это имя. Так и есть. Этим именем мне представился тот ночной посетитель, крепыш с короткой стрижкой, самый молодой из них, который за всю беседу не проронил ни слова. Я от неожиданности опустился на колени и стер ладонью пыль с металлической пластинки, прикрепленной к каменной плите. Точно. РЯДОВОЙ ВТОРОЙ СТАТЬИ СИН-ДЗИ ФУКУДА. Я не мог ошибиться. От волнения у меня даже выступила испарина на лбу. Я стал пристально рассматривать другие могилы и вскоре обнаружил такие металлические пластинки с именами и званиями: ФЕЛЬДФЕБЕЛЬ ТАРО МОРИ, УНТЕР-ОФИЦЕР ХИРОСИ МАЦУЯМА. Да! Точно! Того пожилого звали Мацуяма. Я поманил пальцем Карима и заставил его сделать снимки этих трех могил. Затем на обочине я нарвал полевых цветов и положил им на могилы.

В это время японцы закончили панихиду. Я задал им несколько вопросов для интервью. Когда они ответили, я отвел брата в сторону и рассказал ему обо всем, что произошло в ресторане, показал ему фотографию Светланы с Барановым.

– Но откуда ей стало известно о готовящейся дезинформации, – сделал озабоченное лицо, задумчиво произнес брат.

– Я сказал ей, – признался я.

– Но зачем ты это сделал? – удивился брат.

– Я же не знал, что она связана с Барановым. Утром она позвонила мне на работу и объявила о вашей войне. Чтобы ее успокоить, я ей и сказал, что свиток спрятан в надежном месте.

– М-да, – задумчиво произнес брат, – положение осложнилось. А что у тебя с ней?

– Пока ничего, – пожал я плечами и, кажется, покраснел. – Иногда бегаем с ней по утрам.

– Могу я взять у тебя эту фотографию?

– Нет, – решительно заявил я. – Достаточно и того, что я показал ее тебе. Этот фотоснимок я уничтожу.

– Понимаю, – кивнул головой брат. – Надо предупредить Козлова, а то он положил на нее глаз. Как бы не проболтал чего лишнего. Сегодня он ведет секцию, и они могут встретиться.

– Как? – воскликнул я. – И у него с ней шуры-муры?

– Не совсем так. Я же тебе сказал, что он положил на нее глаз, а не она на него.

И я решил, во что бы то ни стало, побывать на занятиях этой секции.

На этом мы и расстались. Я поехал с Каримом в агентство, а брат повез японцев в гостиницу. По дороге я думал, глядя на злополучную фотографию, что вся эта шпиономания, государственная система слежки друг за другом растлевают людей, превращая ангелов, подобных Светлане, в проституированных Мата Хари.

7. Чвс обезьяны (с 15 до 17 часов дня)

Вернувшись в агентство, каждый из нас занялся своим делом. Карим заперся в фотолaborатории проявлять пленки, я же сел за свой стол расшифровывать магнитофонную запись интервью с Иноуэ Ясуси и писать материал о посещении кладбища членами общества «Ангаракай». Некоторое время я работал сосредоточенно, но затем на меня навалилась дремота, все треволнения дня ослабили мою сопротивляемость сну, хотелось немного отдохнуть, чтобы собраться с мыслями и оценить по-новому все случившееся. Я уже начал клевать носом. Но не тут-то было. Из лаборатории выскочил ошалевший Карим и заорал:

– Ты только посмотри, что получилось на снимках могильных плит, которые ты заставил меня снять.

Он сунул мне под нос еще влажные фотографии. На них на фоне плит были запечатлены силуэты моих ночных знакомых. У меня волосы встали дыбом на голове. Как сквозь туман, проступали очертания их лиц. Унтер-офицер лежал на плите, закинув ногу за ногу, запрокинув руки за голову, и, казалось, мечтательно смотрел в небо. Фельдфебель полулежал на боку, подперев рукой щеку. Нижняя часть его тела была смазана, но зато явственно проступал его профиль. Солдат же сидел на своей могиле спиной к объективу, его стриженная голова темным пятном проступала на фоне травы. С ума сойти можно!

– Что ты обо всем этом думаешь?

Что можно было об этом думать? Я покачал головой. – Вначале я подумал, что фото-пленка бракованная, – стал объяснять Карим. – Но рядом другие кадры получились абсолютно чистыми. И кладбище, и японцы, ставящие свечи на могилы, вышли великолепно. А с этими тремя могилами что-то неладное. У меня и раньше иногда получались подобные вещи. Вдруг ни с того ни с сего в кадр попадало нечто такое, чего я простым глазом не видел. Возможно, фотокамера – более совершенный инструмент, чем наш глаз. Она фиксирует действительность с другой выдержкой и может удержать моменты, которые наш глаз просто не воспринимает. И все же, что ты об этом думаешь?

– Не знаю, – пожал я плечами. – Может быть, ты зафиксировал души умерших.

– Вполне возможно, – сразу же согласился Карим. – Эти тени похожи на японцев, они даже одеты в мундиры японской армии. Подумать только!

Мне совсем ни о чем не хотелось думать. Я бросил все свои дела, вышел из агентства и отправился в секцию Козлова, где начинались тренировки по каратэ.

Когда я прибыл в спортивный зал, где велась тренировка, полсотни девушек и юношей в белых кимоно, подпоясанных поясами разного цвета, совершали упражнения – выкидывали ноги и руки в разные стороны по счету: ити, ни, сан, си, го... Вся эта картина походила на хорошо отлаженный механизм. Все, как один, совершали одни и те же слаженные движения, почти никто не ошибался. Строгий кондотьер Козлов ходил между рядами грузной походкой орангутанга, придирчиво наблюдая за своими питомцами, горланя во всю глотку: року, сити, хати, ку, дзю. Кто ошибался или не успевал в такт, того он наказывал ударом ноги в пресс живота.

Среди девушек я взглядом отыскал Светлану. После всего, что я узнал, она не стала для меня менее желанной, наоборот, несмотря на осадок горечи, я испытывал к ней неодолимую страсть. И одна только мысль о том, что она может прийти ко мне вечером домой, волновала мою кровь настолько, что меня начинало бросать то в озноб, то в жар. Я наблюдал за ее движениями. Белое кимоно на ней сидело так же хорошо, как и спортивный костюм. Как и все, она была босиком, и я разглядел ее розовые пятки. Мне вдруг так захотелось лизнуть их, или взять в рот палец ее ноги, или сделать еще какую-нибудь глупость. Вся она была такая нежная, беленькая, сладкая, как головка сахара. Ее белокурые волосы сейчас были заплетены в длин-

ную косу, и при каждом ее движении эта косичка скакала, прыгала, вертелась вокруг ее длинной шеи и возбуждала. Талия, бедра, ее упругая попка танцевали какой-то свой волшебный танец в гармонии с оборотительной фацией ее стройных ног.

Мне казалось, что она делает все движения изящнее, чем другие девушки. Но так не думал Козлов. Этот орангутанг остановился напротив нее и со всей силы нанес удар ей в живот. Она покачнулась, но устояла на ногах. Ее лицо поморщилось от боли, но я не услышал ни ее крика, ни вздоха. Она продолжала по-прежнему делать упражнения. От всей этой сцены у меня как будто что-то оборвалось внутри.

Я подумал, что, вероятно, брат уже предупредил Козлова о роли Светланы в клубе. Через некоторое время он проделал это еще раз, потом еще раз. Мне показалось, что в синих с поволокой глазах Светланы стоят слезы. У меня сердце сжималось от боли каждый раз при виде, как этот мужлан избивает девушку.

Вскоре тренировка закончилась, и Козлов стал давать оценку некоторым начинающим каратистам. За все их промахи они получали от него два-три удара кулаком в живот. Когда очередь дошла до Светланы, Козлов поставил ее перед всем строем и объявил, что каждый должен нанести ей удар в живот. От этих слов Светлана побледнела, а все другие участники тренировки опустили глаза.

Я больше не мог вынести этой сцены и вмешался. Подойдя к Козлову, я сказал ему, что не позволю при мне так истязать человека. Козлов бросил на меня гневный взгляд, его брови сошлись на переносице. Чуть не задыхаясь от ярости, он почти продышал мне в лицо:

– Мы, конечно, вас уважаем и как брата президента нашего клуба, и за вашу помощь, но здесь у нас свои порядки, и лучше было бы, если бы вы не вмешивались.

Я смотрел в его пороссячи глазки, близко расположенные от переносицы, горящие, словно два уголька, и думал: «Самодур, безмозглый, с каким желанием я бы сейчас заехал кулаком в твой медный лоб. Только дай таким власть, так мигом польются реки крови».

Я ничего ему не ответил, подошел к Светлане и встал к ней спиной. – Только через мой труп! – крикнул я в зал, где стояла шеренга застывших с каменными лицами истуканов.

Не знаю, чем бы это все закончилось, но в эту минуту в зале появился мой брат.

– В чем дело? – спросил он и, мгновенно оценив обстановку, направился ко мне.

– Да вот, удивляюсь вашим порядкам, – ответил я, облегченно вздохнув. – Не думал я, что в этих секциях каратэ культивируется до такой степени жестокий садизм.

Брат недовольно посмотрел на Козлова, тот отвел в сторону глаза.

– Что такое? В чем дело? – обратился он раздраженно к кондотьеру. – Сколько мы еще будем говорить на эту тему? Когда здесь перестанут совершать насилия над личностью? Когда, наконец, здесь поймут, что унижение человека – самое гнусное преступление общества?

Брат обращался как бы ко всем, но слова его имели определенное направление. Они относились к Козлову. И тот стоял, как провинившийся школьник, опустив руки и голову, и не возражал ни единым словом моему брату. И я подумал впервые, что мой брат имеет настоящий авторитет в клубе.

Затем брат повернулся к Светлане и еле слышно сказал:

– А вы можете идти.

Она тут же побежала в раздевалку, ни на кого не глядя, и я заметил, что по дороге она плакала.

После окончания тренировки в зале остались только самые опытные и преданные каратисты, составляющие спортивную элиту клуба. Многие из них занимались также бейсболом. Раньше я большинство из них встречал на тренировках в поле с битами и ловушками. Все они были бойцами клуба.

Началось тайное военное совещание, на котором мне позволили присутствовать. Десятка два юношей в спортивных кимоно сидели в шахматном порядке прямо на полу в японской

позе, положив на колени пудовые кулаки, и молча смотрели в рот моему брату. Кондотьер Козлов сидел тут же в турецкой позе и нервно массировал голень своей правой ноги.

– Наша акция по дезинформации противника, к сожалению, не удалась, – начал свою речь брат тоном начальника генштаба. – Не буду вдаваться в подробности нашего провала, чтобы не открывать наших тайных агентурных связей...

«Это он сказал к тому, чтобы выгородить меня», – подумал я.

– ...но нам сейчас нужно рассмотреть один из вариантов отступления или компромисса с противником.

– Только без передачи им свитка, – нервно заметил Козлов.

Бойцы согласно кивнули головами.

– Да что за ценность представляет этот свиток и искусство, ради которого вы решили ввязаться в войну? – воскликнул брат. – Вы бы хоть показали мне его или рассказали о нем.

Козлов кивнул головой. Из первого ряда выдвинулся очкастый юноша очень интеллигентной наружности, поклонился Козлову и, сидя по-японски, начал говорить, чеканя слова, как будто рапортовал высшему начальству:

– Свиток «Оби-но катана» написан во времена правления сёгуната Токугава в буддийском храме Мёрюдзи, другое название храма Ниндзя-дэра, что находится в княжестве Кага, монахами-ниндзя, через которых осуществлялась тайная связь князей семьи Маэда с заточенным в киотском плену японским императором. Когда монахи пробирались через заставы княжеств Синано, Тобида, Бино, Биче, тяготеющих к сёгунату, обосновавшемуся в Эдо, по одному лишь подозрению их тщательно обыскивали и отбирали любое оружие, поэтому монахи овладели искусством боя поясами, используя их не хуже мечей. Поэтому свиток и называется «Оби-но катана», что означает «Пояс словно меч».

– Странно, – вырвалось у меня непроизвольное замечание. – Как это простой матерчатый пояс может противостоять мечу?

– Сейчас мы вам покажем это, – сказал Козлов и хлопнул в ладоши. Из первого ряда сразу же выскочили трое бойцов, двое из них вооружились бамбуковыми палками, третий развязал свой длинный пояс, один конец намотал на правый кулак, другой же, свернув впятеро или вчетверо по длине, зажал в левой руке. Все трое встали в боевую позу так, что один оказался впереди, а другой – сзади бойца с поясом. Несколько секунд общего напряжения, и вдруг последовала мгновенная атака нападающих с мечами. Но в то же самое мгновение, а, может быть, и раньше, воздух рассекла, подобно молниеносной змее или птице, тонкая полоска материи. Она обвила один меч, вырвав его из рук нападающего, затем отразила другой меч и захлестнулась удавкой на шее еще вооруженного, но уже беспомощного противника, в то время как ударом ноги боец с поясом опрокинул уже безоружного нападающего. Все это произошло за какие-то доли секунды. Такого я еще ни разу не видал в своей жизни. У меня пробежал мороз по коже.

От удовольствия у всех наблюдавших эту сцену бойцов напряглись желваки на скулах, а у кондотьера Козлова увлажнились глаза. Он повернулся к брату и сказал:

– Неужели ты хочешь передать это оружие нашим врагам?

Брат задумался, а Козлов, видя его нерешительность, продолжал наступление:

– Пока что мы овладели тремя приемами защиты и нападения, а их более семисот. Человек, который овладевает в совершенстве этим искусством, способен ловить поясом четырехконечные заточенные звездочки и ружейные пули, а также сносить головы противникам.

– Да, – задумчиво произнес брат, – неплохо бы поучиться этому искусству.

– Можем приступить хоть завтра, – охотно согласился Козлов.

– А где хранится этот свиток?

– В арсенале.

При произнесении этого слова мне показалось, что по рядам бойцов пробежал трепетный экстаз. Слово «арсенал» действовало на всех магически. Даже из высшего руководства клуба не все знали, где он находится, и какие богатства там хранятся.

– Кстати, – вспомнил брат, – сегодня обязательно нужно обеспечить его охрану ночью или оставить там хотя бы одного человека.

– Но у нас каждый боец на учете, – заметил Козлов. – И так силы неравные: на одного нашего дракона приходится по четыре облезлые кошки.

– Да. Понимаю, – кивнул головой брат и вдруг предложил: – Так давайте оставим там на ночь моего старшего брата.

Все взоры обратились ко мне. Я не выдержал их пристальных глаз. Мне показалось, что десятки ружейных стволов направлены мне в лицо, и я часто-часто заморгал глазами. Мне совсем не хотелось на ночь оставаться в каком-то там сверхсекретном арсенале. Но в момент общего напряжения, охватившего всех, я не мог им так просто сказать: «Ребята, оставьте меня в покое».

– Но стоит ли посвящать постороннего в наши секреты? – возразил Козлов, продолжая сурово глядеть мне в глаза.

В душе от радости я закричал: «Не стоит! Не стоит!» Но мой брат вдруг обиделся:

– Какой он посторонний? Он – мой старший брат. Этими словами он оказывал мне не только доверие, но и взваливал мне на плечи тяжелый груз ответственности.

Козлов больше не стал спорить с братом. На том и порешили. Затем бойцы разработали план охраны Дома дружбы, где должна была в шесть часов вечера состояться встреча членов клуба «Кэнрокуэн» с членами общества «Ангара-кай», и все разошлись. Брат объяснил мне, как добраться до арсенала, расположенного в старом пакгаузе за городом, и вручил ключ.

– Ты уж меня не подведи, – были его последние напутственные слова.

И мы на некоторое время расстались.

8. Час птицы (с 17 до 19 часов вечера)

В агентстве я застал Карима, который уже успел съездить на японское кладбище и отснять все четыреста шесть могильных плит. В его лаборатории кипела работа, рулоны проявленной пленки сушились на веревке, как выстиранное белье, но уже сейчас было понятно, что ни на одном из кадров больше не проявлялось фото-аномалий. Даже прежние могилы вышли четко, без теней. И я подумал, что, вероятно, мои ночные посетители отправились в город, и вспомнил, что в девять часов вечера назначил им встречу у кафе «Снежинка». Однако Карим не унывал, так как был по натуре исследователем. На следующее утро он опять собирался отправиться на кладбище для поиска теней.

Я заехал домой, наскоро перекусил, сгрузил тарелки и чашки в мойку, которая и так уже была завалена грязной посудой, и отправился на встречу с членами общества «Ангара-кай».

Вокруг Дома дружбы расставленные нашим славным кондотьером часовые спрашивали у всех незнакомых, прибывающих на встречу, приглашительные билеты, как при наступлении комендантского часа в старые добрые времена. В атмосфере приготовлений к дружескому вечеру чувствовалась некоторая напряженность, свойственная осажженным крепостям. Все были начеку. Но эти предосторожности нисколько не отразились на активности членов клуба, развернувших бурную деятельность. В библиотеке Дома дружбы хор репетировал только что полученные слова и ноты гимна членов общества «Ангара-кай» и любимой песни иркутских военнопленных «Андзу-но хана» («Абрикосовые цветы»). Когда я вошел в фойе Дома дружбы, то мелодичная песня разносилась по всему первому и второму этажам:

*Андзу-но Ки-ни, Андзу-но саку ёо-ни,
Коно Куни-ни, акаруку Хана-о сакасэтай,
Гогацу-но Тайёо-га, Тайти-о аттакамэру ёо-ни
Минна-но Атама-кара, Аси-но Саки-мадэ
Аттакай Хикари-о абисэтай.*

*Хотим, чтоб нас всех с головы до пят
Согрело солнце живительным теплом,
Когда земля меняет свой наряд,
И абрикосы расцветают под окном.*

*Хотим, чтоб в этой дальней и чуждой стране
Снег растопил быстрее горячий майский луч,
Чтоб абрикосов цвет не только был во сне,
Чтоб солнце чаще выходило из-за туч.*

Эта песнь о цветах абрикосового дерева звучала несколько странно, тем более что японские военнопленные, по словам песни, желали, чтобы они цвели в Сибири. Девушки, никогда раньше не видевшие абрикосовых цветов, все же вырезали их из цветной бумаги и украшали приветственное обращение, написанное по-японски и вывешенное в фойе. Песня создавала светлое, воодушевляющее настроение веселья, заставившее на некоторое время забыть всех об объявленной войне. Здесь же, в фойе, были устроены выставки оригами и икебана. В углу стояли в горшочках два-три деревца бонсай, выращенные членами клуба. На видном месте красовались афиши одного из приглашенных – ответственно-го секретаря общества «Ангара-кай» художника Оцука Исаму, написанные им к постановке режиссером Сэнда Корэя на сцене

токийского театра «Дзэнсиндза» пьесы иркутского драматурга Александра Вампилова «Прощание в июне».

Все это фиксировал мой цепкий наметанный глаз журналиста, чтобы потом изложить в репортаже. Я поднялся по лестнице на второй этаж и заглянул в кинозал. Кинозал был набит народом, люди ждали прибытия гостей, весело переговаривались. Среди приглашенных я увидел Светлану, которая посмотрела на меня как-то странно. Рядом с ней все места были заняты, я кивнул ей, соображая, как бы ее выманить из зала для объяснения, но в это время мой брат привел бывших военнопленных, и весь зал захолопал в ладоши, приветствуя гостей. Я примостился на стул, принесенный мной из приемной, и стал слушать приветственные речи. После официальной части члены клуба устроили тут же перед зрителями самодеятельный концерт, составленный из номеров классической японской музыки Гагаку с игрой на флейте и сямисэн, а также небольших сцен театра «Но». Признаюсь, эта музыка и театр «Но» наводили всегда на меня скуку. Один раз я даже уснул на одном представлении театра «Но» в Японии. Поэтому, чтобы не подвергнуться вторично эксперименту после бессонной ночи, я потихоньку вместе со стулом удалился из кинозала. В приемной никого не оказалось, но за это время был накрыт шикарный стол с тортами и конфетами, фруктами и печеньем. Я не удержался, чтобы не налить из серебряного самовара чашку душистого чая и не стащить самый лакомый кусок торта. Как только я набил рот сладостями, в дверях появился мой брат. Он недовольным взглядом посмотрел на мою трапезу, так как я несколько нарушил торжественную чинность стола, и сказал:

– Не забудь, пожалуйста, в одиннадцать часов вечера заступить на пост. Не подведи меня.

Прожевав кусок торта, я пообещал ему, что буду по указанному адресу в назначенное время, и посмотрел на часы. Оставалось пять минут до условленной встречи с моими ночными посетителями у кафе «Снежинка». Я вскочил и засуетился, вытирая губы салфеткой.

– У меня встреча, – объявил я брату, – опаздываю.

– Будь осторожен, – предупредил он меня, – нам стало известно, что они собираются сорвать вечер, поэтому подтянули своих боевиков к Дому дружбы.

Я кивнул ему на прощание, поспешно спустился по лестнице в фойе и вышел на улицу.

9. Час собаки (с 19 до 21 часа вечера)

То, что я увидел на улице, поразило меня настолько, что я некоторое время стоял, словно парализованный, как мокрая курица с опущенными крыльями. Вокруг Дома дружбы шел настоящий кулачный бой. В то время, как там, в кинозале, торжественно произносили речи о мире и дружбе, здесь, на улице, трещали скулы, ломались ребра, ноги и руки в жаркой рукопашной схватке. «Тигры» Баранова, словно кошки, прыгали в воздух с криками «Мяу», выставив вперед руки и ноги, и, словно мячики, отлетали от железных кулаков стойких бойцов школы «Кекусинкай». Милиция попыталась было навести порядок, разнять бойцов клуба и боевиков школы «Вадарю», но это было все равно, что сунуться в огонь с голыми руками. Бедным милиционерам не оставалось ничего другого, как, имитируя бой, помахивать своими дубинками и держаться подальше от общей свары, дожидаясь конца сражения. Тут же стояло несколько машин скорой помощи, подбирающих павших с поля битвы. В этот вечер в больницу было доставлено около четырехсот боевиков школы Баранова с переломанными носами и костями и семь членов клуба с легкими вывихами и ушибами. Слава Богу, что никого не убили в драке.

Я старался бочком протиснуться между дерущимися, но внезапно получил такой сильный удар от облезлой кошки, что из глаз у меня посыпались искры. Двое бойцов из школы Козлова заметили меня и, предложив свои услуги, пробрили брешь и вывели меня из окружения «тигров». Как только мы оказались за фронтом военных действий, я, забыв поблагодарить моих провожатых, пустился во всю прыть подальше от опасного места, массируя по дороге ушибленную скулу.

Когда я, немного успокоившись, вышел на центральную улицу и оглянулся, то увидел четверых незнакомых мне молодых парней, следующих за мною по пятам. Недреmlющее око Баранова, наверняка, засебло мой прорыв из Дома Дружбы и направило вслед карателей. Я беспомощно огляделся по сторонам. Подмоги мне было ждать не от кого. Парни, заметив, что я смотрю в их сторону, остановились и стали рассматривать афишу. Тоже мне, сыщики-шерлок-холмсы. Костоломы проклятые! Я решил: «А, будь, что будет». И делая вид, что их не замечаю, отправился в кафе «Снежинка». Туда я шел так просто, для очистки совести. Во встречу с моими ночными посетителями я мало верил. Более того их странный визит я уже относил к области моего психического расстройства после тяжелого переутомления и почти был уверен, что все мне или приснилось, или галлюцинировалось в моем воображении. Если бы не фотография Карима с могильными плитами, то я даже бы и не вспомнил об этом. А так все же где-то в глубине моего сознания еще теплилась маленькая надежда: «А вдруг они придут».

Ушибленный глаз болел, я достал из кармана медный пятак и приложил его к веку. За закрытым веком часто пульсировала кровь, сходились и расходились разноцветные круги. Я подумал, что стоит вот так закрыть глаза и можно сразу попасть в другой мир. Так, вероятно, и делает страус, пряча свою голову в песок во время опасности. Ни четырех мальчиков с пудовыми кулаками, никакого страха. Я опять оглянулся, парни не отставали.

Возле кафе «Снежинка» я сразу же увидел своих ночных знакомых и почему-то нисколько не удивился. Возможно, в моменты опасности человек перестает чему-либо удивляться. Я сразу же затащил их в кафе, усадил за столик и заказал четыре порции мороженого. Они были все в той же полевой форме императорской Квантунской армии.

– Спасибо за цветы, – сказал унтер-офицер.

Я вначале не понял, но затем вспомнил, что положил полевые цветы на их могилы, махнул рукой:

– А-а, не стоит благодарности. Угощайтесь, – и я кивнул им на мороженое, поставленное официантом перед ними.

– Извините, – замялся унтер-офицер, – мы не любим мороженое.

– А-а, понимаю, тогда я закажу вам кофе.

– Ничего не нужно, – жестом остановил меня унтер-офицер.

Я не стал ни возражать, ни уговаривать, потому что не знал правил, существующих в их мире. К тому же лишней назойливостью я мог поставить их только в неловкое положение. Мороженое в стаканчиках так и осталось стоять перед ними и таять.

В это время в кафе заглянул один из парней. Он пристально посмотрел на меня и стаканчики с мороженым на столе, потоптался на месте в нерешительности и вышел.

т досады я закусил губу, подумав, что они так просто не оставят меня в покое. Заметив мое расстройство, унтер-офицер спросил:

– У вас неприятности?

– Еще какие! – словно накипевшая боль, вырвались у меня из груди слова отчаяния. – Видели, сейчас в кафе входил детина? Так вот их еще трое поджидают меня на улице, от самого Дома дружбы преследуют. Фингал под глаз поставили. Боюсь, что все ребра мне пересчитают, когда я выйду отсюда.

Унтер-офицер повернул голову к коренастому, с короткой стрижкой солдату и сказал:

– Синдзи, иди, разведай обстановку.

Солдат бесшумно вскочил и вышел из кафе. Через несколько минут он вернулся и доложил что-то унтер-офицеру по-японски. От его сообщения оба, унтер-офицер и фельдфебель, сделали удивленные лица и произнесли японское восклицание с поднимающейся интонацией в конце:

– Э-э-э!!

– Что такое? – всполошился я.

– Он сказал, что их на улице уже не четверо, а двенадцать человек. Могут подойти еще и другие.

У меня сердце ушло в пятки.

– Вы хорошо бегаете? – спросил меня унтер-офицер. Я обалдело молчал. Ему пришлось повторить вопрос.

– Бегаю по утрам, – наконец, придя в себя, ответил я срывающимся голосом. – Но какое это имеет значение?

– Нужно отсюда убираться, а то их станет больше, – заметил фельдфебель.

– Но как?

– Можно попробовать, – спокойно продолжал унтер-офицер. – Мы их задержим, а вы бегите как можно быстрее.

– Но как вы их задержите? – воскликнул я взволнованным голосом. – Их двенадцать, а вас всего трое. Нет, все пропало!

– Не паникуйте, – улыбнувшись, сказал фельдфебель и, кивнув на унтер-офицера, заметил: – Господин Мацуяма был чемпионом джиу-джитсу в полку. Я тоже занимался кэндо и каратэ, а Синдзи – он просто зверь в драке. Как-нибудь выпутаемся.

Я их поблагодарил, слабо веря в успех предприятия.

– Жаль, что не удалось поговорить, – с сожалением вздохнул я. – Я вижу, вы очень интересные люди.

Я расплатился с официанткой, мы встали и направились к выходу.

Как только мы вышли из кафе, меня тут же обступила плотным кольцом дюжина крепких парней, оттеснив к стенке японцев. Я с отчаянием посмотрел в сторону военнопленных, потеряв всякую надежду на их помощь. Да и что они могли сделать в этой ситуации, единственно разумное для них было тихо-мирно унести самим ноги.

– А-а, попался, голубчик, – злорадно произнес здоровенный детина, который заглядывал в кафе. – Не дождался помощи от гаденьшей своего брата.

И он занес кулак перед моим лицом. Я зажмурился, ожидая удара. Но в это мгновение все же одна мысль пронеслась в моей голове: «Неужели он не заметил японцев, сидящих рядом со мной? Странно, что никто не обратил на них внимания, когда мы вышли из кафе». И в это время я услышал истошный вопль парня. Я открыл глаза и увидел его лежащим в двух шагах от меня, как подкошенная трава, на тротуаре. Двое других, зажав животы, словно рыбы, хватали ртами воздух, как будто неожиданно кто-то нанес им удары в солнечные сплетения. Вся когорта «тигров» пришла в смятение, они размахивали в разные стороны кулаками, как будто не видели противника, а трое моих японцев спокойно и точно наносили им удары в самые болезненные места. Это походило на игру «Я тебя в упор не вижу» и еще на тренировку, когда тренер на ринге бьет боксера с завязанными глазами, приучая его к ориентированию в пространстве.

– Бегите же, – крикнул в мою сторону унтер-офицер Мацуяма, делая подсечку стоящему в растерянности напротив меня парню.

Тот, как подкошенный, рухнул на асфальт. Я рванулся с места в освободившееся пространство и успел сделать шагов десять, пока очухались «тигры» и бросились за мной в погоню. Неизвестно откуда взявшийся белобрысый, длинный, как жердь, детина бросился мне наперерез со стороны перекрестка. Я замедлил бег, но сзади раздался крик Мацуяма:

– Не останавливайтесь!

В следующее мгновение я увидел, как Синдзи, этот крепыш с прической бобриком, перепрыгнул через меня, плюхнулся в десяти шагах передо мной на землю и шариком покатился под ноги белобрысому детине. Тот со всего маха растянулся на дороге, ударившись лицом об асфальт. Я перепрыгнул через лежащего ничком детину и продолжал свой бег. Но тут опять выскочил впереди меня здоровенный лоб и, крикнув «Мя-я-а-у-у!», словно кошка, прыгнул в мою сторону, выставив вперед обе ноги. Синдзи поймал его за одну ногу и сделал ему такой сальто-мортале, что тот раз двадцать перекувыркнулся в воздухе, прежде чем повиснуть на дереве. Путь для меня был расчищен, и я во все лопатки несся по улицам и аллеям города, перекрывая все свои утренние рекорды пробежек. Преследователи отстали, японцев я тоже не видел. Добежав до подъезда своего дома, я перевел дух. Сердце бешено колотилось, пот застилал глаза. И тут я увидел Светлану. Она улыбнулась и сказала:

– Я вижу, что вы и по вечерам делаете пробежки.

Я пригласил ее в дом.

10. Час кабана (с 21 до 23 часов вечера)

Когда мы поднимались по лестнице ко мне в квартиру, мной вдруг овладело одновременно возбуждение и предчувствие того, что этим вечером между нами что-то обязательно произойдет. Я отпер ключом дверь квартиры и пропустил ее в темную прихожую. Притворив за собой дверь, я некоторое время не включал свет, темнота меня возбуждала еще больше. Светлана замерла и стояла, не шелохнувшись, я не слышал ее дыхания. Наконец, она произнесла в темноте:

– Может быть, все же мы включим свет или хотя бы зажжем свечи.

Пожалев, что в доме нет свечей, я щелкнул выключателем, и моя квартира сразу же озарилась каким-то необыкновенным светом, который, быть может, исходил не от электрической лампочки, а от нее. Она посмотрела на свое отражение в зеркале, поправила волосы и спросила, может ли она пройти в комнату.

Я распахнул перед ней двери. Она прошла и села в то самое кресло, где прошлой ночью сидел один из моих странных гостей. И я вспомнил, что ночной гость предупреждал меня остерегаться женщины именно сегодня. Но именно сегодня, именно сейчас я вдруг решил, что добьюсь ее любой ценой, если даже мне придется взять ее силой. Я предложил ей кофе, она кивнула головой, и я отправился на кухню и загремел посудой, которой была наполнена мойка, потому что не осталось ни одной чистой чашки. Светлана, услышав мою возню, спросила из комнаты:

– Вам помочь?

– Не нужно, – крикнул я, – справлюсь.

Но она все-таки появилась на кухне и, увидев гору грязной посуды, спросила:

– Вам никто не помогает убирать квартиру?

Я пожал плечами и ответил:

– Да я как-то привык сам справляться.

– Это и видно – улыбнулась она, – давайте, я вам помогу.

Я не стал возражать, и она, сняв с гвоздика фартук и нацепив его на шею, подошла к мойке. Я включил конфорку и поставил чайник. Некоторое время мы оба молчали. Глядя, как она моет посуду, я думал, что отдал бы полжизни, чтобы иметь такую хозяйку. Красивое платье с короткими рукавами плотно облегло ее стройную талию. Оно было не длинное и не короткое. Я старался не смотреть на ее стройные ноги. Ее длинная коса опускалась почти до пояса, я разглядел нежный пушок на шее ниже затылка возле самого уха, и мне вдруг страстно захотелось обнять ее. Я не удержался и поцеловал ее в шею. Она вздрогнула и отстранилась, выронив чашку, но не повернулась ко мне лицом. Она молчала, я – тоже. Но наше молчание не было гнетущим. Я чувствовал, что она может быть податливой, если я поведу себя с ней, как надо. Я снял с плиты закипевший чайник и стал заваривать кофе.

– Вы кому-нибудь сказали обо мне? – вдруг спросила она, не поворачивая головы.

– Нет, – поспешил я ответить, сделав удивленное лицо, хотя она не смотрела в мою сторону.

– Вы ничего не говорили Козлову? – спросила она и повернулась ко мне.

Сейчас я уже попал в поле ее пристального взгляда.

– Нет. Но с чего вы взяли, что я должен кому-то что-то говорить о вас? – воскликнул я, стараясь как можно естественней выразить свое удивление.

Светлана опустила глаза и сказала:

– Но почему тогда сегодня он принялся меня избивать? Я пожал плечами.

– То, что я увидел в зале, для меня было полной неожиданностью, – ответил я откровенно, – не ожидал я, что он окажется такой скотиной. И как можно вообще ударить женщину,

не понимаю. Вы сами во всем виноваты. Не место девушке в таких секциях. Не женский это вид спорта.

Не поднимая глаз, Светлана тихо промолвила:

– Спасибо, что заступились сегодня за меня.

– Пустяки. Это мой долг. Разве мог я спокойно смотреть на это безобразие. Но меня поразило другое: почему никто из парней в секции за вас не заступился? Неужели все у Козлова так привыкли к жестокости, или, может быть, они боятся его авторитета, обожевляя его, как это делают «тигры» Баранова?

При упоминании имени Баранова Светлана покраснела, но я, как ни в чем не бывало, продолжал:

– Непонятно мне также и то, почему вы позволили Козлову бить вас в живот ногой. Что это? Рабское сознание дисциплины или страх перед ним?

Светлана молчала, опустив глаза. Мне показалось, что она сама не могла найти ответа на этот вопрос.

– Вы могли бы сразу покинуть зал, и никто бы не посмел вас задержать, – продолжал я.

При этих словах она опять на меня как-то странно посмотрела.

Я составил на поднос чистые чашки, кофейник, сахарницу и предложил ей пройти в комнату. Она вновь села в кресло. Я поставил перед ней журнальный столик, разместил на нем поднос и стал разливать кофе по чашкам. Светлана сидела задумчивая.

– Никогда никому не позволяйте себя унижать, – сказал я и заметил, что она побледнела.

Некоторое время мы молча пили кофе. Я специально выдерживал паузу, потому что видел, какое впечатление на нее произвела моя последняя фраза. И тут мне пришла в голову идея. Я сходил на кухню, взял из холодильника бутылку шампанского и с двумя бокалами вернулся в комнату. Не говоря ни слова, я поставил один бокал перед ней, открыл бутылку и наполнил бокалы вином. Она не возражала. Я подкатил от письменного стола вертящийся стул и устроился на нем со своим бокалом.

– Давай выпьем за нашу дружбу, – я неожиданно для самого себя перешел с ней на «ты».

Она чокнулась со мной и пригубила свой бокал. Я интуитивно почувствовал, что она отмякает, и ее отношение ко мне меняется. Я стал говорить ей о своей работе, о материалах, которые сегодня сделал и которые собираюсь написать. Рассказал два-три смешных случая из своей практики. Незаметно передвигая свой стул, я оказался рядом с ней и положил свою руку ей на плечо, она не отстранилась, как раньше, а, посмотрев на меня, вдруг рассмеялась и сказала:

– А у вас синяк под глазом.

Я потрогал щеку и почувствовал припухлость.

– Хотите, я вам сделаю примочку.

Разумеется, я этого очень хотел. Она спросила, есть ли у меня бадан и еще какие-то травы. Я, естественно, никогда таких трав не держал дома. Но все же она сделала мне компресс, и мне было очень приятно, но не от холодного компресса, а от прикосновения ее пальчиков к моей коже. И опять подумал, что должен ею овладеть сегодня, во что бы то ни стало, если не хочу ее потерять совсем. Сегодня единственный такой вечер, единственная ночь, мой последний шанс. Если даже придется прибегнуть к силе. И когда она стояла передо мной, я обнял ее, но она отвернула голову, пряча свои губы и упираясь своими руками мне в грудь.

– Но почему? – спросил я.

– Я не могу, – ответила она.

– Почему? – настаивал я.

– Между нами может быть дружба, но я не хочу с тобой как с мужчиной.

Но я подумал: «Поздно, девочка, ты у меня в доме, и я сделаю все возможное, чтобы ты стала моей».

Я повалил ее на ковер, но она сопротивлялась из последних сил.

– Прошу, не надо, я не могу сегодня.

И тут меня словно осенило. Какой я идиот! Я выпустил ее из своих объятий и ударил себя по голове.

– Болван, извини меня, я совсем забыл, что у тебя месячные.

У меня вырвалась эта фраза совсем произвольно. Она вскочила на ноги, поправила платье и с испугом и удивлением посмотрела на меня.

– Что ты сказал?

«Дурак! Кретин недоразвитый, – ругал я себя в душе, – высыпаться нужно перед такими свиданиями». Ее большие глаза смотрели на меня так же странно, как она это всегда делала, когда начинала подозревать меня в чем-то.

– Извини, я сказал что-то не то, – смущенно пробормотал я.

– Но у меня нет месячных, – решительно заявила она. Ее глаза продолжали смотреть на меня так удивленно и испуганно. По ее виду чувствовалось, что она только что испытала глубокое потрясение. Я представил, как в ее голове сейчас клубится целый рой мыслей и подзрений. Черт меня дернул за язык ляпнуть ей такую неосторожность. Вот, что значит, потерять бдительность.

– И все же, почему вы такое сказали? – настаивала она.

Я в отчаянии схватился за голову.

– Извини меня, сказал, не подумав, просто случайно у меня вырвалась эта фраза.

– Но вы произнесли слова: «Я совсем забыл, что..», значит, вы что-то знали или кто-то вам сказал?

– Никто мне ничего не говорил, и ничего я не знал, – прокричал я, стараясь показать, что начинаю сердиться.

Она как-то вся собралась в комочек, замкнулась в себе, села на краешек кресла и о чем-то сосредоточенно думала.

Я налил себе полный бокал вина и залпом выпил. Ее бокал оставался почти нетронутым. Вероятно, в эту минуту я был очень возбужден. Я ходил по комнате взад-вперед и говорил, говорил, говорил. Я говорил о том, что все в этом мире глупо, что глупее нашего общества не придумаешь, что вся эта война, затеянная двумя самодурами, в которую втянуто столько хороших людей, не что иное, как верх кретинизма. Я говорил ей о том, что в этой безумной системе утеряны все ценности простых человеческих отношений, попрано достоинство каждого человека, что все наши отношения неестественны. Чем дольше я говорил, тем больше на меня находило вдохновение. Я сам удивлялся своему красноречию. Я говорил о брате, который ошибается, защищая этого мужлана с мозгами носорога, о их глупости скрывать от всех несчастный свиток, из-за которого разгорелся весь этот сыр-бор. О том, что на месте брата я бы просто этот свиток уничтожил, не только потому, что он является яблоком раздора, а из-за опасности, которую он может принести всему обществу. И наконец, я стал говорить о своем отношении и чувствах к Светлане.

Все это время она не сводила с меня глаз, внимая каждому моему слову, когда же я заговорил о моих чувствах, она потупилась и покраснела. Я мимоходом взглянул на часы, шел уже одиннадцатый час вечера. Мне нужно было спешить, что-то предпринимать. Времени не оставалось. Я должен был на что-то решиться. Я встал перед ней на одно колено и взял ее руку. Она даже не отняла руки. Она смотрела мне в глаза удивленно и доверчиво.

– Я люблю тебя и доверяю тебе. Ради тебя я всех могу послать к черту.

– И даже своего брата?

– И даже моего брата. Хочешь, я покажу тебе их арсенал?

Она ничего не ответила и продолжала смотреть на меня.

– Это их святая святых. Мало кто знает о его существовании. Только самые избранные из них имеют туда доступ.

– И ты тоже имеешь туда доступ? – спросила она.

– Сегодня брат дал мне от него ключ. Мы можем сейчас поехать туда и осмотреть его вместе. До этого я ни разу не был там.

Светлана пожала плечами и ничего не ответила, но по ее глазам я понял, что она горит желанием побывать там.

– Поехали, пока не поздно, – решительно заявил я и посмотрел на часы. Стрелки показывали без четверти одиннадцать.

– А ты знаешь адрес, куда ехать?

Я поднял ее за руку из кресла, мы быстро спустились по лестнице на темную улицу, я поймал такси и назвал водителю адрес.

11. Час мыши (с 23 до 1 часа ночи)

Мы ехали по ночному городу. Сидя со Светланой на заднем сидении, я положил свою ладонь на ее руку, она вздрогнула, но не убрала руки. Я нежно пожал ей пальцы, затем просунул руку между спинкой сидения и полу обнял ее за талию. С каждой минутой я чувствовал, как ее сопротивление ослабевает. Я поцеловал ее в щеку, она чуть отклонила голову в сторону. Через несколько минут я повторил поцелуй, она уже не отстранялась.

Мы выехали на окраину города. Я остановил такси у длинных рядов гаражей, рассчитался с водителем и отпустил его. Светлана никак не прореагировала. Местность была пустынной, под одиноким фонарным столбом я рассмотрел план, начертанный моим братом. Слева чернела котлованами стройка, справа белело приземистое здание овощехранилища, а за ним начинались склады и пакгаузы. В стороне от дороги, почти в пустом поле, виднелось длинное одноэтажное строение из бревен, служившее когда-то амбаром для местных крестьян. Здесь, в этом неприметном сарае, и размещался Арсенал клуба.

Мы подошли к массивной двери, обитой железом, с внутренним замком. Я достал из кармана ключ и с трудом отпер вход в святая святых таинственного царства моего брата. Дверь на кованых железных шарнирах со скрипом отворилась, и я заглянул в темное зияющее пространство Арсенала. Сколько я ни шарил рукой по стене, выключателя так и не нашел. Дом вообще оказался не электрифицированным. У входа на полке мне попался электрический фонарь, я зажег его. Светлана вскрикнула от неожиданности, у меня мурашки пробежали по коже. Луч фонарика выхватил из темноты Будду в рост человека, сидящего напротив входа у стены. Некоторое время мы с замиранием сердца смотрели на его торжественный лик. Будда, казалось, впал в отрешенное состояние, но из-под полуопущенных век его красные глаза пристально смотрели на нас и фосфоресцировали. Они светились красным странным светом как будто изнутри статуи.

Светлана робко подошла к нему и потрогала его руку с поднятой кверху ладонью.

– Да он бумажный, – воскликнула она, – из папье-маше, обклеенный золотой фольгой.

Я рассмотрел его вблизи и обнаружил некоторые изъяны, морщины и трещинки. Но издали он выглядел потрясающе. Вокруг красной подушки, тоже из папье-маше, на которой он сидел, были расставлены свечи. Множество свечей. Тут же лежали спички и курительные палочки. Я принялся зажигать все свечи.

Я был потрясен до глубины души. Здесь, в этом большом городе, на окраине, от посторонних глаз был спрятан единственный Будда, которому втайне поклонялись члены клуба, и ни один агент из спецслужбы не смог за все это время обнаружить тайного молебельного дома. Рядом с Буддой на полках хранилась запрещенная религиозная литература, каким-то чудом, проникшая сюда через кордоны бдительных таможенников.

Светлана тоже была взволнована не меньше меня. Мы стали осматривать Арсенал, зажигая повсюду свечи на длинных железных подсвечниках. Вскоре на всем протяжении этого вытянутого, подобно галерее, здания стало светло, как днем.

Мы с интересом осмотрели большой барабан и гонг возле статуи Будды, бамбуковые мечи и длинные луки на стенах. Вероятно, кроме всего прочего, члены клуба занимались здесь кэндо и кюдо. В конце амбара в углу я обнаружил несколько странных алебард, а на стене – разрисованные мишени с торчащими в них стрелами. Обследуя эти сокровища, я начинал понимать, что Арсенал составлял для членов клуба нечто большее, чем хранилище оружия. Здесь хранилась их духовная пища. Возможно, здесь они предавались самым возвышенным и эмоциональным переживаниям в своей серой будничной жизни. В другом конце амбара мы нашли довольно уютное местечко, устланное циновкой и дзабутонами, на стенах висели продолговатые картины с горными пейзажами и большими иероглифами. Тут же стояли низень-

кие столики с чайной посудой. Прямо на полу был выложен очаг с подвешенным на крючке чугунным чайником. Мы опустились на дзабутоны за одним из низеньких столиков.

– А не попить ли нам чаю? – предложил я Светлане.

Она согласно кивнула головой и, окинув восхищенным взглядом все пространство амбара с горящими свечами, и Золотым Буддой, заметила:

– Здесь забываешь все. Теряется чувство реальности. Как будто находишься не в Иркутске, а в другом мире.

Я стал соображать, куда будет направляться дым, если я разожгу очаг. В этой части амбара потолок был немного закопчен, значит, члены клуба все же пользовались очагом. Но тут мой взгляд привлек термос на длинном стеллаже полка с пронумерованными ячейками, в которых хранились свитки. Я подошел к стеллажу и снял с гвоздика журнал с классификацией свитков и древних манускриптов. Захватив термос и заварку, я вернулся к столику, и, пока Светлана заваривала чай, я с любопытством разглядывал журнал. Под номером 348 в ячейке хранился знаменитый свиток «Оби-но катана», из-за которого в городе шла война. Я нашел этот свиток и положил его перед Светланой.

– Вот то, из-за чего все сошли с ума, – сказал я. – Если хочешь, можешь передать свиток Баранову.

От неожиданности Светлана пролила чашку с горячим чаем себе на платье и вскрикнула от боли. Я бросился к ней. Колено у нее немного покраснело. Я стал искать соль, доступное средство от ожогов, но не нашел его, поэтому стал дуть на это место. Потом я зализывал покрасневшее пятнышко и целовал ее ноги. Светлана совсем не сопротивлялась. Она плавно опустилась на подушки, и я целовал ее в губы. Потом потекли самые счастливые минуты в моей жизни. Засыпая усталым и умиротворенным, я подумал, что, наконец-то, достиг своей цели.

12. Час быка (с 1 до 3 часов ночи)

Когда я открыл глаза, то не сразу понял, где нахожусь. Вокруг меня горели свечи. В какой-то миг мне даже пришла в голову мысль, что я умер, и эти свечи стоят в изголовье моего гроба. Но в следующий момент я ощутил во всем своем теле такое блаженство, как будто меня только что выкупали в душистой ванне и на легком облаке доставили в обетованный рай. Я вспомнил распушенную по подушке косу Светланы. Все еще обессиленный, но счастливый, не поднимая головы, я протянул руку, чтобы коснуться ее плеча, но моя рука прошла сквозь пустоту. Я приподнялся на локте и осмотрелся. Светланы рядом со мной не было. Многие свечи догорели и погасли. У входа все так же светился торжественным сиянием строгий профиль Будды. Рядом со мной лежала в беспорядке моя одежда, усыпанная белыми клочками. Я протянул руку и поднял один клочок. На нем была полови-на лица Светланы.

– Какой кретин, – простонал я, – мне нужно было давно разорвать эти фотографии.

Когда я срывал с себя одежду, одна фотография, вероятно, выпала у меня из кармана. И она ушла, не потребовав у меня никаких объяснений. Какое недоразумение! Какая чушь! Но она должна была понять, что я ее люблю. Она не может этого не понять. После всего, что у нас было. После того, как это случилось. Она не может быть не моей. Этим же утром я найду ее и объясню ей все. И мы будем всегда вместе. Неразлучно. Светлана, милая моя. Прости меня, идиота. Неужели из-за какой-то фотографии ты...

Вероятно, я уснул, и прошло еще некоторое время. Моего плеча коснулся унтер-офицер Мацуяма. От его прикосновения мне стало больно. Я вздрогнул, протирая глаза, и увидел огонь. Пыхал золотой Будда. Его руки уже занялись огнем, и на ладони, поднятой кверху, плясали язычки пламени. Но лик Будды светился еще большей торжественностью.

– Вам нужно быстрее уходить отсюда, – сказал унтер-офицер, – а то вы сгорите.

Я попытался встать на ноги, но не смог, меня душил кашель, от которого сотрясалось все мое тело. Надо мной склонился фельдфебель Мори, он почти кричал мне в ухо:

– Вставайте. Соберите все свои силы и мужество. Вам нужно спешить.

Я приподнялся на локте и увидел, как Будда вспыхнул, подобно свече, и его лик скрыло пламя.

– Но как мне выбраться, – воскликнул я, – там же бушует огонь.

Унтер-офицер показал глазами на солдата Синдзи, который сидел на дзабутоне, скрестив ноги, возле низкого столика, на котором так и остались стоять термос с чашками, из которых мы со Светланой несколько часов назад собирались пить чай. На меня опять нашел приступ раздражающего кашля и удушья.

– Постарайтесь меньше дышать, – сказал Мацуяма, – этот угарный воздух вреден для вашего здоровья.

– Синдзи, помоги ему, – обратился он к солдату.

Синдзи вскочил на ноги, схватил со стеллажа полотенце и, обмакнув его в чашке чая, протянул мне. Через влажное полотенце дышать стало легче. Я подавил в себе новый приступ кашля и с трудом сел, затем встал и, собрав последние силы, поднял с пола пиджак и брюки. Шатаясь, как пьяный, я побрел к выходу, где бушевал огонь. Синдзи бросился вперед и прикрыл меня грудью от взорвавшегося снопа искр. Своим движением он увлекал меня за собой, я уже не чувствовал ни ожогов, ни удушья. Я шел за ним, сосредоточенно глядя ему в спину. Так Синдзи через огонь провел меня к выходу. Я навалился всей тяжестью своего тела на кованую дверь и вывалился с вихрем искр в темноту ночи. В руке у меня, как факел, горел пиджак, и уже дымились брюки. Я затоптал огонь босыми ногами и посмотрел на дверь, из которой вырывалось пламя. Синдзи, стоя в огне, приветливо помахал мне рукой.

– А вы, – крикнул я ему, – почему вы не спасаетесь?

Синдзи улыбнулся и ответил мне:

– О нас не беспокойтесь.

Я впервые услышал его голос. Он говорил почти без акцента.

Часть вторая

Поиск брата

*«Счастье – разве можно найти счастье у этих заживо погребенных и отшельников!
Неужели должен я искать последнего счастья на блаженных островах и далеко среди забы-
тых морей?»*

Фридрих Ницше. «Так говорил Заратустра»

Десять небесных стволов

1. Ки-но-э (древо старшего брата)

В больнице, куда я попал с ожогами, первым меня посетил брат. Он вошел в мою палату с сеткой яблок и робко присел на краешек стула рядом с моей кроватью. Я с интересом наблюдал за ним. После пожара, который уничтожил весь Арсенал клуба с бесценными свитками и манускриптами, меня мучили угрызения совести. Но увидеть виноватое лицо брата я вовсе не ожидал. Напротив, я думал, что с первой же минуты он набросится на меня с упреками и обвинениями. Брат заботливо поправил одеяло в моих ногах и изрек:

- Я рад видеть тебя живым и невредимым.
- Но из-за меня сгорел твой Арсенал, – воскликнул я.
- Пустяки. Значит, в эту ночь суждено было ему сгореть.
- Но Арсенал сгорел по моей вине.
- Значит, Небо послало тебя туда, чтобы ты, подобно Шиве, уничтожил его.

Я лежал на кровати и от удивления хлопал глазами. Брат улыбнулся и весело похлопал меня по руке.

- Если бы погиб ты и остался Арсенал, то это было бы для меня самым великим горем.
- Но там сгорели сотни древневосточных манускриптов и рукописей!

Брат расхохотался. Я недоуменно смотрел ему в рот, совсем не ожидая такой реакции.

– Должен тебе открыть один секрет, – наконец, посмеявшись и вытерев слезы ладонью, заявил он мне с тихой улыбкой. – Все эти манускрипты и рукописи написал я.

От такого заявления я чуть было не свалился с кровати.

– Ты написал все эти труды и философские трактаты?

– Кроме одного, – серьезно заметил он.

– Свитка с описанием искусства боя поясом?

– Нет. Свиток «Оби-но катана» тоже создал я.

– Ты хочешь сказать, что придумал семьсот приемов владения этим искусством?

– Вот именно. Я бы создал и больше приемов, но в какой-то момент потерял интерес к этой работе. – Но я слышал, как очкастый студент рассказывал об истории возникновения этого искусства.

– Историю его возникновения написал тоже я.

От удивления я сел на кровати и почесал затылок забинтованной рукой.

– Что же в таком случае ты не написал?

– Дневники одноногого Сёдзо, остававшегося в Иркутске вместе с Синдзо. Они основали во времена Екатерины Второй одну из первых школ японского языка в России, в то время, как Дайкокуя Кодаю вместе с товарищами вернулся на родину. Но ты не переживай, у меня очень хорошая память. Я их прочитал и воспроизведу слово в слово.

– Но подлинник рукописи сгорел! – в отчаянии воскликнул я.

– И подлинник можно восстановить, – добродушно успокоил меня мой брат-мистификатор.

– Тогда я совсем ничего не понимаю, – развел я руками. – Из-за чего разгорелся весь этот сыр-бор вокруг свитка, началась война между школами?

Брат посмотрел на меня хитроумным взглядом и серьезно спросил:

– А ты как думаешь?

Что я мог об этом всем подумать? Брат оглянулся по сторонам и вдруг начал быстро и увлеченно говорить:

– Ты что? Ничего не видишь вокруг себя? Не понимаешь, что наше общество превратилось в стоячее болото, а деградирующая партийная верхушка, боясь выпустить власть из своих

рук, всеми способами старается подавить любую опасность, грозящую ее маразматическому учению?

Я в ужасе оглянулся на дверь, боясь, что кто-нибудь может услышать крамольные речи брата.

– Неужели ты не видишь, что наша интеллигенция выродилась, превратилась в чиновников, готовых по мановению дирижерской палочки плюхнуться в грязь лицом? Наше государство гибнет, моральное состояние народа падает все ниже и ниже, все в этой стране превращаются в рабов, а ты пишешь хвалебные статьи в своих газетах, радуешься дутым успехам. Но ждать осталось недолго. Война в Афганистане – это начало их конца.

Я впервые в жизни слышал подобные слова, и не от кого-нибудь, а от своего брата. В эту минуту я понял, что совсем его не знаю, хотя наше детство и юность прошли вместе.

– Но ты очень многим рискуешь, – предостерег я его.

– Я буду делать все возможное, чтобы встряхнуть это общество, создавать религиозные секты, писать тайные трактаты и выдавать Их за исторические находки. Я, наконец, добьюсь, что народ проснется, и оглянется вокруг себя, и увидит, в какой навозной луже он сидит.

В эту минуту в палату вошла медсестра, чтобы поставить мне укол. Брат замолчал и, улыбаясь, смотрел, как я переворачиваюсь на живот и оголяю нижнюю часть тела.

2. Ки-но-то (древо младшего брата)

– Так или иначе, мы связаны с Небом, – продолжал он, когда медсестра вышла из палаты, – и наша судьба послана нам свыше.

– Ты хочешь стать буддистом? – спросил я его, вспомнив о пачке запрещенной религиозной литературы, сгоревшей в Арсенале.

– Я хочу стать Буддой, – сказал он с такой же тихой милой улыбкой, как тогда, когда заявил мне о том, что сам написал все труды и философские трактаты, обладателями которых долгое время были члены клуба.

– Каждый человек должен дорасти до Неба, – заявил он, – потому что мы так или иначе связаны с Небом.

Меня тогда мало интересовали всякие философские концепции, поэтому я пропустил мимо ушей его рассуждения о высших материях и миропонимании. Он еще долго говорил мне о том, какую роль должен играть человек во Вселенной, поднимаясь, как по лестнице, от одного мира к другому. Единственное, что я запомнил, это то, что большинство из нас живет в мире, именуемом адом, где царят невоздержанность и злоба, вспыльчивость и агрессивность, грубость и жестокость. Где недоброжелательность друг к другу является нормой общественного поведения. Это мир змей, в котором каждый жалит другого. Чуть повыше этого соседствует мир свиней, где жадность и невежество соседствуют с сытостью. В основном, в этом мире живет большая часть добропорядочных граждан нашего славного государства. И наконец, в третьем, элитарном мире пребывают и здравствуют наши достославные политические деятели, чья петушиная страсть к внешним дракам и внутренним интригам переплелись с самой извращенной половой разнузданностью.

После ухода моего брата я впервые задумался, лежа на кровати, о состоянии здоровья нашего общества и не мог не прийти к мрачному заключению, что картина, нарисованная им, в какой-то мере соответствовала действительности. Меня поразило также и то, что мой младший брат в понимании многих вещей ушел дальше меня, а я, журналист, держащий, как говорят, руку на пульсе многих событий, подобно слепому котенку, брел по жизни, спотыкаясь и падая.

3. Хи-но-э (огонь старшего брата)

Прошла неделя. Лежа в больнице, я постоянно думал о Светлане. Вначале я надеялся, что в первые дни она придет навестить меня. Но дни шли, а от нее я не получал ни одной весточки. Я решил написать ей письмо, но что-то меня смущало и заставляло откладывать мое решение. Девушки не любят ждать, это я знал хорошо, но я боялся предстать перед ней в таком виде. Мои раны начали заживать. Мне сняли повязки со лба, у меня опять отросли брови. Наконец, я решился и написал письмо, но, когда я попросил брата передать письмо Светлане, он отвел глаза в сторону и сказал:

– Светлана вышла замуж за Баранова.

Он также сообщил, мне, что Баранова пригласили работать в обком комсомола на очень высокий пост, а ему в обкоме партии предложили оставить клуб, если он не желает серьезных осложнений в жизни. После драки возле Дома дружбы власти запретили в городе деятельность школы «Кёкусинкай». От всех этих сообщений у меня испортилось настроение. Но брат хлопнул меня по плечу, улыбнулся и сказал:

– Не унывай, выше голову. Это – Система. Здесь ничего не поделаешь, но я знаю, как с ней бороться. Скоро она падет. Ждать осталось совсем недолго.

Я ему не поверил, но он оказался прав.

4. Хи-но-то (огонь младшего брата)

Прошло около десяти лет, прежде чем Система рухнула. Пророчество моего брата сбылось. КПСС объявили вне закона, в стране начались бурные демократические процессы. За это время я женился, но мой брат по-прежнему продолжал одиноко странствовать по жизни в поисках духовных ценностей. После отмены ограничений выезда за границу неблагонадежных граждан, в число которых успел попасть мой брат при прошлом режиме, наконец-то, ему удалось получить выездную визу и отправиться в Японию. Накануне его отъезда между нами состоялся разговор.

– С детства я мечтал попасть в Японию, потому что для меня она является Страной Детей, – заявил мой брат.

Услышав эти слова, я выразил всем своим видом удивление.

– Почему же это Япония является Страной Детей?

– Потому что, где живут дети, там поселяются и боги. Ибо боги любят детей. А в Японии живет более пяти миллионов богов. В этой стране на каждом шагу живет бог и имеет свой собственный храм, а люди каждый день заботятся о нем. Там нет бездомных богов, потому что у людей детские сердца. А по-настоящему бескорыстно умеют любить только дети.

Когда мой брат произносил эти слова, его глаза светились каким-то особым огнем тихой радости, как будто это сияние исходило откуда-то из глубины его души.

Я несколько раз бывал в Японии и, услышав эти слова, попробовал под другим углом зрения взглянуть на японцев, и многие до этого труднообъяснимые поступки их начинали казаться мне понятными.

Мы некоторое время сидели молча, задумавшись. И каждый из нас думал в эту минуту о Стране Детей, далекой и непонятной не только для русских, но и для многих взрослых европейцев.

5. Цути-но-э (земля старшего брата)

Прошло больше года после отъезда моего брата в Японию, и я полностью потерял с ним всякую связь. А вскоре на мое имя пришло известие японского МИДа с просьбой приехать в Японию для оказания помощи в розысках моего брата. За это время экономическое и политическое положение в России ухудшилось. Реформы пробуксовывали из-за противостояния парламента и президента, цены росли, жизненный уровень народа падал. Поэтому, когда я увидел в телеграмме, что все расходы моего пребывания японская сторона берет на себя, я без промедления стал оформлять заграничный паспорт.

За это время мое агентство прекратило свое существование, и я вынужден был поступить на работу в мэрию в качестве пресс-секретаря мэра. Работа была интересная, но мало оплачиваемая. Когда я показал телеграмму японского МИДа мэру, он без лишних слов дал согласие на мою бессрочную командировку. Я получил визу и отправился в Японию.

6. Цути-но-то (земля младшего брата)

Япония встретила меня прекрасной погодой. Июньское солнце палило нещадно, но не было еще той духоты, которая начинается в августе после периода дождей. Прибыв в Канадзаву, я первым делом нанес визит мэру города и, вручив ему рекомендательное письмо от своего мэра, получил обещание помощи и всякого содействия с его стороны в поисках брата. Любезный мэр радушно принимал любого посетителя, прибывающего из города-побратима, а мне уделил целых сорок минут. Прощаясь, он пожал мне руку и, улыбнувшись, спросил:

– Вам когда-нибудь приходилось принимать участие в празднике Хякумангоку-мацури?

Ранее я несколько раз был в Канадзаве, но, к своему стыду, ничего не слышал об этом празднике.

– Праздник миллиона коку риса является самым любимым и веселым развлечением канадзавцев, – любезно объяснил мэр, – по традиции он отмечается в середине июня перед началом дождей торжественным шествием всех жителей по центральным улицам города и уходит своими корнями в глубокую историю княжества Кага. Этот праздник связан с представлением о сказочном богатстве князя Маэда, который имел годовой доход в миллион коку риса.

– Ого! – воскликнул я, когда переводчик перевел мне коку в килограммы. – Сто восемьдесят тысяч тонн?! Да таким количеством риса можно накормить всех жителей Сибири и Дальнего Востока. Зачем же ему понадобилось столько риса?

– Раньше вместо денег использовали рис, – пояснил мне переводчик.

Я подумал про себя: «Значит, если бы прижилась у нас такая система, то все работали бы только за хлеб, благо, что вода в этой стране и в древности была бесплатной».

От мэра я направился прямо в полицейское управление, где меня принял сам начальник полиции господин Кацуно. Он любезно пригласил меня сесть в кресло и положил передо мной конверт с пачкой денег.

– Полицейское управление берет на себя расходы вашего пребывания в Канадзаве, – сообщил мне он. – Это вам месячное жалование.

Я впервые путешествовал по Японии на полицейские деньги. Во время нашей беседы с начальником управления мне так и хотелось схватить конверт и пересчитать его содержимое. Интересно, сколько они мне будут платить? Не скрою, что последнее время я не испытывал равнодушия к этому презренному металлу.

7. Ка-но-э (золото старшего брата)

– Разговор предстоит долгий, – начал с преамбулы начальник полицейского управления, – но вначале дайте мне слово, что вы сразу же сообщите, когда выйдете на вашего брата.

– А с какой стати мне это скрывать? – воскликнул я, сделав удивленные глаза.

– Каждое ценное сведение будет вознаграждаться нами дополнительной суммой, – и шеф полиции кивнул головой на конверт, который лежал передо мной.

Последовавшая за этим фраза господина Кацуно привела меня в панический ужас, я даже подпрыгнул в кресле.

– К сожалению, – сказал он сдержанным тоном, – ваш брат связался здесь с японской мафией.

– It is impossible, – вырвалось у меня по-английски, так как и всю беседу мы вели по-английски, – это невозможно!

– К сожалению, это так, – спокойным голосом продолжал господин Кацуно, – нам многое еще не известно в этой истории. Но каким-то косвенным образом ваш брат причастен к убийству женщины.

«Час от часу не легче», – подумал я, сдавив подлокотники кресла.

– Непосредственного убийцу мы задержали. Им оказался главарь местной мафии, контролирующей игорный бизнес, злачные места и горячие источники в Канадзаве и префектуре Исикава, некто К., по кличке «Тора» (тигр). От него тянется ниточка к одному очень влиятельному политическому деятелю – господину Абурауси, который проходит у нас по делу под псевдонимом «Жирная корова» и подозревается в связях с мафией через торговлю наркотиками и оружием.

Я вытер платком выступивший на лбу пот.

– Но какую роль во всем этом деле играет мой брат? И какое отношение к нему имеет все только что вами сказанное? – спросил я дрожащим голосом.

– Самое непосредственное отношение, – твердо заявил шеф полиции, – ваш брат подозревается в продаже оружия и получении крупной суммы денег.

Мне стало плохо.

8. Ка-но-то (золото младшего брата)

Шеф полиции собственноручно принес и поставил передо мной стакан воды со льдом, а сам закурил сигарету. Я сделал несколько глотков, как рыба, глотающая ртом воздух. Я задышался, но не от дыма сигареты.

– Успокойтесь, а то на вас лица нет, – сказал шеф полиции, видя мое состояние.

«К черту лицо, – подумал я, – разве можно заботиться о своем лице, когда неприятные вести сыплются на меня, как тропический дождь».

– О какой сумме идет речь? – выдавил я из себя упавшим голосом.

– Приблизительно более ста триллионов иен.

– Ого! – от такой суммы меня бросило в жар.

Я даже представить себе не мог, сколько это может быть денег. На клочке бумаги я попытался изобразить эту сумму, получилась палочка с одиннадцатью нулями.

– Сколько же это будет в долларах?

– Что-то около одного миллиарда долларов, – ответил мне шеф полиции, глядя на потолок и пуская колечками дым.

– Серьезное дело!

«Уж куда серьезнее, – сообразил я, – наше правительство не может выбить из международного валютного фонда заем в один миллиард долларов, а мой брат просто так кладет его себе в карман. Однако, какой величины должен быть карман, чтобы упрятать в него такую уйму денег?!»

– Дело в том, что мы не знаем, чем рассчиталась мафия с вашим братом, – как бы угадывая мои мысли, продолжал начальник полиции, – были ли это деньги или рис.

– Как? – воскликнул я. – До сих пор в Японии рис используется в качестве денег?

– Не совсем, – пояснил мне полицейский, – но из допроса арестованного Тора ясно, что первоначально ваш брат при заключении сделки просил рассчитаться с ним рисом. Что-то около ста восьмидесяти тысяч тонн риса.

– Хякумангоку! – воскликнул я.

– Совершенно верно, – шеф полиции посмотрел на меня с уважением.

В его практике, вероятно, не каждый встреченный иностранец разбирался в тонкостях древне японской системы мер и весов.

– Но зачем моему брату понадобилось столько риса? – спросил я, как бы обращаясь в пустоту.

– Вот это бы мы и хотели выяснить с помощью вас, – сказал шеф полиции, – так же, как и то, удалось ли ему вывезти из страны эти деньги или рис. Вы меня понимаете?

Я согласно кивнул головой. Еще бы не понять. Серьезное дельце! Недаром японское министерство внутренних дел не скупится на мое пребывание. Я взял со стола конверт с пачкой денег и спрятал его во внутренний карман пиджака.

– Вот и прекрасно, – хлопнул в ладоши повеселевший шеф полиции, – займемся делом. Я вас введу в курс событий.

Он открыл ключом сейф и извлек на свет Божий пухлую папку с делом номер 245893657/256, заведенным на моего брата. Я залпом выпил всю воду из стакана и вытер ладонью влажный от пота лоб.

9. Мидзу-но-э (вода старшего брата)

Шеф полиции извлек из папки газетные вырезки с переводом, специально сделанным для меня по-русски, и передал в мои руки. Я углубился в чтение. Речь в них шла о самых первых днях приезда моего брата в Японию. По мере того, как я прочитывал газетные информации, мне все яснее становилось, что так мог поступить только мой брат, характер которого я знал с детства. Где он появлялся, там всегда начинались какие-либо приключения. Я мысленно представил, как все это происходило.

Мой брат прибыл в Канадзавский порт, когда сумерки уже окутали портовые строения и здание таможни. Города не было видно, но весь берег горел ярким светом в лучах прожекторов и неоновых ламп. Брат выгрузился на пирс с чемоданами книг и заявил чиновникам иммиграционной службы, что собирается отправиться в город для обучения в университете. Они вытаращили на него глаза, так как в их практике это был первый случай, когда иностранный студент въезжал в страну на торговом судне, груженном бревнами. Они долго рассматривали его паспорт и визу, выданную консульским отделом в Находке, качали головами, но все же поставили штамп о въезде. Таможенники обнаружили в его чемоданах кроме книг продукты, хотели их реквизируют, но брат показал им тридцать долларов – всю свою наличность, объяснив, что, возможно, ему придется жить на эти продукты месяц, а может быть, и целый год. Чиновники тоже покачали головами и простили ему нарушение японских таможенных правил. Брат, облегченно вздохнув, отправился искать ночлег.

Двенадцать километров до города ему пришлось преодолеть пешком с двумя чемоданами, каждый из которых весил по тридцать килограммов. В Канадзаву он вошел поздно ночью и в первой же попавшейся гостинице попросил устроить его на ночлег за один доллар. Служащий так смутился, что не сразу нашел нужные слова, чтобы объяснить ему, что самый дешевый номер гостиницы в Канадзаве стоит сто долларов в сутки. Брату ничего другого не оставалось делать, как взять свои чемоданы и выйти на улицу.

Некоторое время он бесцельно слонялся вокруг вокзала железной дороги, пока не набрел на пустынный канадзавский парк городов-побратимов. Обнаружив на монументе дружбы название своего родного города, брат радостно уда в ладоши и, устроившись на чемоданах, спокойно проспал до утра.

Утром за двадцать пять долларов в магазине подержанных вещей он купил палатку и натянул ее на том месте, где должен был стоять монумент, представляющий его родной город Иркутск.

Обнаружившему палатку полицейскому мой брат объяснил, что его вместе с палаткой прислали в дар городу-побратиму, и что отныне и до самой смерти он будет украшать собой этот парк. Полицейский чрезвычайно удивился, ничего не сказал и ушел докладывать начальству. Через час возле палатки собрались журналисты, и брат рассказал им, что символом его города является палатка, которую первопроходцы воздвигли на месте города еще триста тридцать три года назад, и что по традиции до сих пор все жители города любят проводить свободное время в палатках в тайге. А он, как бы являясь наглядным экспонатом, демонстрирует эту традицию.

Весть об удивительном экспонате, выставленном в парке, мгновенно облетела весь город, и толпы канадзавцев приходили лицезреть, как занесенный северным ветром Робинзон на костре из собранных щепок и мусора готовит свой туристский завтрак.

В вечерних выпусках газет появились его фотографии и интервью. За один день мой брат стал известной личностью на всем побережье Японского моря.

Узнав о необычном госте, мэр города выхлопотал ему стипендию, а служащие муниципалитета подыскали дешевое жилье в районе Пляшущих Зонтиков (Касамай).

– Ну и как? – спросил шеф полиции, когда я прочитал газетные информации.

– Здорово, – восхищенно воскликнул я, узнавая в деталях своего младшего брата, – настоящий Робинзон Крузо. Если бы Япония оставалась необитаемыми островами, он бы, высадившись на них, не умер с голоду.

10. Мидзу-но-то (вода младшего брата)

Шеф полиции вытащил из папки еще одну газетную вырезку и положил передо мной. Это было сообщение из газеты «Хоккоку-симбун» о гигантском смерче, пришедшем со стороны Японского моря и обрушившем на город потоки соленой морской воды. Я без интереса читал эту заметку, мало ли тайфунов приходит с моря в Японию, но вдруг мое внимание привлекли следующие строки: «Гигантский водяной смерч, похожий на тело огромного серебряного дракона, вторгся в район Касамай города Канадзавы, сорвал с нескольких домов крыши, повредил линии электропередач и унес из окна двухэтажного дома «Баба-апато» иностранного студента из России. Несколько очевидцев, живущих в соседних домах, видели, как тело студента было вовлечено в самый эпицентр вихря и поднято в небо».

Я ужаснулся за брата. Дурное предчувствие сдавило мое сердце.

– Так что же, получается, что он погиб? – в растерянности спросил я шефа полиции.

– В том-то и дело, что нет, – сказал тот, как будто сожалея о происшедшем, – после этого случая его видели в разных местах со странной компанией. То он появлялся с г летающим зайцем и самым настоящим тигром, которого вел г на поводке, как простого пса, то его встречали в сопровождении обезьяны, собаки и фазана, подобно сказочному герою Момотаро, сразившемуся с Дьяволом на Острове чертей. Вести о нем среди канадзавцев – самые разноречивые. Кое-кто из христиан, особенно из «Небесного царства свидетелей Иеговы», с которыми ему довелось некоторое время общаться, утверждают, что он связался с самим Сатаной. Другие же предполагают противоположное. Они считают, что он, подобно даосскому святому, вознесся на небо и стал небожителем. Как бы там ни было, жители района Касамай собирают пожертвования для строительства в его честь храма и хотят причислить его к сонму синтоистских божеств.

«Час от часу не легче! – воскликнул я про себя. – Интересно, что еще натворил мой брат?»

– Как видите, вся эта история очень запутана. Мы будем вам очень благодарны, если вы поможете нам во всем разобраться.

– Да уж вижу, что не простая это история, – заметил я.

В заключение нашего разговора шеф полиции вытащил из папки толстую тетрадь и передал ее мне.

– Это путевые заметки вашего брата, – пояснил он, – которые мы нашли во время обыска в его квартире. Мы сняли с них копию и отдали для перевода. Но сам перевод и изучение этого солидного труда требуют времени. Может быть, он прольет свет на все эти темные события. Как бы там ни было, мы будем вам весьма благодарны, если вы не сочтете за труд прочитать записи вашего брата и помочь нам в установлении истины.

– Конечно же! – с готовностью согласился я. – Мне самому интересно узнать, чем занимался мой братец в Японии.

Я с волнением взял тетрадь и бережно спрятал ее во внутренний карман пиджака. С шефом полиции мы договорились встретиться через неделю после праздника Хякумангоку-мацури.

Выйдя из управления полиции, я прогулялся по городу, полюбовался на водяные часы на площади Коринбо возле огромного супермаркета, побывал в парке «Кэнрокуэн», посетил развалины древнего замка, на которых выросли корпуса Канадзавского университета, заглянул в храм Ояма, расположенный напротив самой дорогой гостиницы города «Нью-гранд-отель», восхитился новым высотным зданием газеты «Хоккоку-симбун» напротив гостиницы, съездил в район Какума-кампус, куда перенесли многие факультеты университета. Одним словом, осмотрел все достопримечательности города, так или иначе связанные с моим братом. В

конце дня я побывал еще в доме «Баба-апато» на Касамай иттёмэ, где долгое время жил мой брат и который после его исчезновения пустовал, так как даже иностранные студенты боялись селиться, рассказывая всякие небылицы о происходящих там таинственных явлениях.

Предусмотрительно я тоже не стал там останавливаться, хотя цена за комнату была подкупающе мизерной, а снял на деньги полиции номер в недорогой гостинице «Сака» в центре города Коринбо, прославившейся тем, что в свое время в ней останавливалась наделавшая шуму семья Овечкиных. Пробежался еще раз по городу, сделав необходимые покупки, и заперся в номере на целую неделю, с интересом изучая путевые записки моего брата.

Часть третья

Путевые заметки моего брата

Конечно, если не будете вы, как дети, то не войдете вы в это Небесное Царство». (И Заратустра показал рукою вверх.) «Но мы и не хотим вовсе войти в Небесное Царство: мужами стали мы – и поэтому хотим мы царства земного».

Фридрих Ницше. «Так говорил Заратустра»

1

Раз уж я отважился рассказать о необычайных превращениях, через которые мне суждено было пройти и как бы раствориться в тех таинственных сферах мироздания, простирающихся вокруг земных и небесных осей коловращения, раз уж я имел счастье познать две Великие Силы, соединяющие все сущее в этом мире, то, вероятно, мне придется начать повествование с некоторых мелких деталей и подробностей, которые впоследствии сыграют такую огромную роль во всех моих перипетиях и злоключениях, а также обрисовать в двух словах ту странную атмосферу, в которую я попал, переступив порог этой комнаты и находясь еще под приятным впечатлением того, что мне удалось снять в Канадзаве такое дешевое жилье.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.